

The background of the entire image is a light-colored, veined marble pattern. Large, detailed purple roses are scattered around the edges, with some in the top-left and bottom-left corners, and others in the top-right and bottom-right corners. The roses have many layers of petals, showing various shades of purple and lavender.

Он не прекрасный принц.
Он — мое наказание...

БЕЗДУШНЫЙ ПРИНЦ

18+

АВТОР БЕСТСЕЛЛЕРОВ AMAZON.COM

СОФИ ЛАРК

Софи Ларк
Бездушный принц
Серия «Freedom. От
врагов к возлюбленным.
Бестселлеры Софи Ларк»
Серия «Безжалостное Право
Первородства», книга 1

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=68787648

Бездушный принц: Эксмо; М.; 2023
ISBN 978-5-04-180666-8

Аннотация

Кэллам Гриффин – наследник ирландской мафии. Он безжалостный, высокомерный и хочет меня убить.

Мы поссорились, когда я устроила (совсем небольшой) пожар в его доме.

Наши семьи верят, что брак— единственное, что может предотвратить войну между кланами.

Возможно, мне придется убить его, пока он спит.

Однако все было бы намного проще, если бы Кэллам не был таким чертовски красивым.

Но мое сердце под замком, потому что даже если меня заставят
выйти за него замуж...

Я никогда не смогу полюбить бездушного принца.

Содержание

Плейлист	7
Аида	8
Кэллам	26
Аида	43
Кэллам	57
Аида	64
Кэллам	74
Аида	80
Кэллам	95
Конец ознакомительного фрагмента.	98

Софи Ларк

Бездушный принц

Эта книга посвящается всем тем, кого Аида вдохновила быть сильной.

Аида – это мятежный дух в каждой из нас. Она смеется в лицо трудностям и всегда остается верной себе.

Бунтуйте, мои милые крошки!
Софи

Sophie Lark
Brutal Prince

Copyright © 2020 by Sophie Lark

© Коношенкова А., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «ЭКСМО», 2023

Плейлист

1. Hate Me – Nico Collins
2. You Don't Own Me – SAYGRACE
3. Boyfriend – Selena Gomez
4. Midnight Sky – Miley Cyrus
5. Somethin' Bad – Miranda Lambert
6. Sweet but Psycho – Ava Max
7. Love The Way You Lie – Rihanna
8. Ballroom Blitz – The Struts
9. Poison & Wine – The Civil Wars
10. Falling Slowly – Glen Hansard
11. Make You Feel My Love – Adele
12. Gnosienne: No. 1 – Erik Satie

Аида

Над озером, словно цветы, распускаются фейерверки, замирая в ясном ночном небе и опадая на туманную гладь воды.

Моего отца передергивает при первых звуках взрыва. Он не любит шумные и неожиданные явления. И поэтому я порой действую ему на нервы, воплощая в себе оба этих качества, даже когда пытаюсь быть пайнкой.

Голубые и золотистые отблески пляшут на угрюмом лице отца. Ага, вот именно так он на меня и смотрит.

– Хочешь, поедим внутри? – спрашивает его Данте.

Ночь теплая, поэтому мы все сидим на террасе. Чикаго не похож на Сицилию, так что нужно пользоваться любой возможностью поесть снаружи. Впрочем, если бы не шум машин под нами, вполне можно было бы представить себя где-то посреди итальянского виноградника. На столе стоит деревенская посуда, привезенная с прежней родины три поколения назад, а пергола над головой густо увита «изабеллой», которую *papa*¹ посадил ради тени. Приличного вина из этого винограда не сделаешь, но зато джем получается неплохой.

Мой отец качает головой.

– Здесь хорошо, – кратко отвечает он.

---

¹ Папа (*итал.*).

Данте издает неопределенный звук и возвращается к пережевыванию курицы. Он настолько огромный, что вилка в его руке кажется слишком маленькой. Брат всегда припадает к тарелке так, словно не ел несколько суток.

Данте самый старший из нас, поэтому он сидит по правую руку от отца. Неро – по левую, а рядом с ним – Себастиан. Я сижу с самого края, где сидела бы моя мать, будь она жива.

– Что за праздник? – спрашивает Себастиан после очередного залпа.

– Это не праздник, это день рождения Нессы Гриффин, – отвечаю я.

Роскошное поместье Гриффинов расположено прямо на берегу озера, в самом сердце Голд-Коста². Они устроили весь этот фейерверк, чтобы в городе не осталось никого, кто бы не знал, что их маленькая принцесса устраивает вечеринку, – как будто мало того, что о грядущем празднике трубили на каждом углу, словно об Олимпиаде и Оскаре вместе взятых.

Себастиан не знал, потому что его не интересует ничего, кроме баскетбола. Он самый младший из моих братьев и самый высокий. У Себа стипендия в Чикагском университете, и он достаточно хорош собой, чтобы, навещая его, я замечала, как девочки пляшут и хихикают каждый раз, когда брат проходит мимо. У некоторых даже хватает смелости попросить его расписаться на футболке.

– И почему же нас не пригласили? – саркастически спра-

---

² Голд-Кост – один из самых богатых и популярных районов Чикаго.

шивает Неро.

Нас не пригласили, потому что мы, блин, ненавидим Гриффинов, и это взаимно.

Список гостей составляется с особой тщательностью, чтобы в него вошли светские львицы, политики и все прочие, кого сочтут достаточно полезными или состоятельными. Сомневаюсь, что Несса знакома хоть с кем-то из них.

Впрочем, не то чтобы я ее жалела. Слышала, ее отец пригласил выступить Деми Ловато. Не Холзи³, конечно, но тоже ничего.

– Какие новости по небоскребу на Оук-стрит? – спрашивает *rara* у Данте, медленно и тщательно нарезаая своего цыпленка в пармезане.

Он прекрасно осведомлен, как дела у небоскреба на Оук-стрит, потому что следит за всем, что строит «Галло Констракшн». Отец просто хочет сменить тему, потому что его раздражает мысль о том, что прямо сейчас Гриффины потягивают шампанское и заключают сделки со сливками чикагского общества.

Мне насрать, чем занимаются Гриффины. Вот только я не люблю, когда где-то развлекаются без меня.

Так что пока мой отец и Данте бубнят о небоскребе, я шепчу Себастиану:

– Мы должны туда отправиться.

– Куда? – рассеянно спрашивает он, залпом выпивая боль-

---

³ Деми Ловато, Холзи – американские певицы и авторы песен.

шой стакан молока. Остальные пьют вино. Себастиан старается оставаться в отличной форме для дриблинга и приседаний, или какой там еще фигней занимается во время тренировок его команда долговязых огров.

– Мы должны поехать на вечеринку, – говорю я, понизив голос.

Неро тут же оживляется. Он обожает попадать в неприятности.

– Когда? – спрашивает он.

– Сразу после ужина.

– Нас нет в списке, – протестует Себастиан.

– Боже. – Я закатываю глаза. – Порой я сомневаюсь, что ты Галло. А перебегать дорогу в непопозволенном месте ты тоже боишься?

Двое моих старших братьев настоящие гангстеры. Они разбираются с самыми грязными аспектами нашего бизнеса. А Себастиан собирается играть в НБА⁴. Он живет в мире, отличном от нашего. Пытается быть хорошим мальчиком, законопослушным гражданином.

Однако Себ ближе всех мне по возрасту, и, пожалуй, я могу назвать его лучшим другом, хоть и люблю всех троих братьев. Так что он лишь ухмыляется мне в ответ и говорит:

– Так я же с вами, правда?

Данте бросает на нас суровый взгляд. Он все еще разгова-

---

⁴ НБА – Национальная баскетбольная ассоциация, профессиональная баскетбольная лига Северной Америки.

ривает с отцом, но знает, что мы что-то замыслиаем.

Когда мы расправляемся с цыпленком, Грета выносит панна-котту. Она работает нашей экономкой уже примерно вечность и является моим вторым самым любимым человеком после Себастиана. Грета красива, у нее плотное телосложение и посеребренные, некогда рыжие волосы.

Она сделала мне панна-котту без малины, потому что знает, как я не люблю косточки, и не возражает против моей избалованности. Я тяну экономку к себе и целую ее в щеку, когда передо мной возникает десерт.

– Я уроню из-за тебя поднос, – говорит она, пытаюсь высвободиться из моих рук.

– Ты в жизни не роняла подносов, – отвечаю я.

Мой отец ест свой десерт хренову тучу времени. Попивает вино и снова и снова обсуждает профсоюз электриков. Готова поклясться – Данте специально поддерживает беседу, только чтобы нас позлить. Когда мы вот так все вместе собираемся за ужином, *rara* настаивает, чтобы мы сидели за столом до последнего. Телефоны также запрещены, и это настоящая пытка, потому что я чувствую, как мой не перестает вибрировать в кармане, разрываясь от сообщений, отправленных бог знает кем. Надеюсь, не Оливером.

Я рассталась с Оливером Каслом три месяца назад, но он из тех, кто не понимает намеков. Если он не перестанет меня донимать, скоро получит молотком по голове.

Наконец, *rara* заканчивает свой ужин, и мы собираем та-

релки, чтобы поставить их в раковину для Греты.

Затем *rara* отправляется в свой кабинет, чтобы пропустить стаканчик-другой, пока Себастиан, Неро и я тайком пробираемся вниз по лестнице.

Конечно, нам не запрещено гулять в субботу вечером. В конце концов, мы все совершеннолетние (в моем случае – едва-едва). Однако мы не хотим, чтобы *rara* спрашивал, куда именно мы собираемся.

Мы плюхаемся в машину Неро – крутейший «Шевроле-Бел-Эйр» 1957 года, в котором офигенно будет колесить по городу, опустив крышу.

Неро заводит двигатель, и в свете фар мы видим стоящий перед нами мощный силуэт Данте со скрещенными руками. Он выглядит словно Майкл Майерс⁵, задумавший нас убить.

Себастиан подпрыгивает, я негромко вскрикиваю.

– Ты мешаешь проехать, – сухо бросает Неро.

– Это плохая идея, – говорит Данте.

– Почему? – невинно спрашивает Неро. – Мы хотим прокатиться.

– Да? – отвечает Данте, продолжая стоять на месте. – Прямоком к Лэйк-Шор-драйв.

Неро решает сменить тактику.

– И что, если так? – говорит он. – Это всего лишь миленькая вечеринка шестнадцатилетней девчушки.

– Нессе девятнадцать, – поправляю его я.

---

⁵ Майкл Майерс – маньяк-убийца из фильмов ужасов «Хэллоуин».

– Девятнадцать? – Неро с отвращением качает головой. – Зачем вообще было... ладно. Видимо, какие-то дурацкие ирландские замашки. Или просто повод покрасоваться.

– Мы можем ехать? – вмешивается Себастиан. – Не хотелось бы пропустить все веселье.

– Залезай или проваливай, – говорю я Данте.

Еще минуту он смотрит на нас, затем пожимает плечами.

– Ладно. Но я еду на переднем.

Без лишних слов я перелезаю назад, освобождая место для Данте. Небольшая плата за то, чтобы заполучить старшенького в команду тусовзломщиков.

Мы плавно едем по Ла-Салль-драйв, наслаждаясь теплым летним ветерком, обдувающим машину. У Неро темное сердце и буйный нрав, но этого никогда не скажешь по тому, как он водит. В машине он нежный, как попка младенца, спокойный и внимательный.

Может, потому что он любит свою «Шеви», в которую вложил тысячи часов работы. А может, вождение – это единственное, что его расслабляет. В любом случае, мне нравится видеть его таким – рука покоится на руле, ветер развивает гладкие темные волосы, глаза полуприкрыты, как у кошки.

До Голд-Коста не так уж далеко. Вообще-то, мы практически соседи – наша семья живет немного севернее, в Олд-Тауне. Впрочем, между этими районами мало общего – они оба роскошные, но каждый по-своему. Наш дом смотрит на Лин-

кольн-парк, а их окна выходят на озеро⁶. Но Олд-Таун, как и следует из названия, охрнительно старый⁷. Наш дом был построен в викторианскую эпоху. Он стоит на тихой улице, которая утопает в зелени старых массивных дубов. Недалеко от нас находится церковь Святого Михаила, и мой отец искренне убежден, что лишь прямое вмешательство Бога уберегло ее в чикагском пожаре⁸.

Голд-Кост – новенькая горячая штука. Там полно выпендренных магазинов, ресторанов и особняков богатейших чикагских говнюков. Въезжая сюда, я чувствую, словно скакнула на тридцать лет вперед.

Мы с Себастианом и Неро планировали прокрасться через задний двор – может быть, стащить униформу у официантов. Данте, разумеется, не разменивается на подобную туфту. Он просто сунет охраннику пять сотен, и тот «находит» нас в списке гостей, пропуская внутрь.

Я хорошо знаю, как выглядит дом Гриффинов, хоть еще и не видела его вживую. Несколько лет назад эта покупка обсуждалась во всех новостях – в то время это был самый дорогой объект недвижимости в Чикаго. Пятнадцать тысяч

---

⁶ Озеро Мичиган, входит в систему североамериканских Великих озер, являясь вторым по объему и третьим по площади. Чикаго – один из городов, расположенных на его берегу.

⁷ Old Town дословно переводится как «Старый город» (*англ.*).

⁸ Великий чикагский пожар продолжался с 8 по 10 октября 1871 года и уничтожил большую часть города.

квадратных футов⁹ за нехилые двадцать восемь миллионов долларов.

Мой отец тогда усмехнулся и отметил, что понтоваться – это очень в духе ирландцев.

«Ирландец напялит на себя костюм за двести долларов, а в карманах не будет ни гроша», – сказал он.

Правда это или нет, но у Гриффинов грошей куры не клюют. Они могут позволить себе прожигать деньги, чем буквально и занимаются, запуская фейерверки, которых не видывал и Диснейленд.

Впрочем, мне плевать – в первую очередь я хочу попробовать это дорогое шампанское, которое разносят официанты, а затем все, что сложено в виде башни на фуршетном столе. Прежде чем уйти, я сделаю все возможное, чтобы разорить этих высокомерных ублюдков, объевшись крабовыми клещнями и икрой.

Вечеринка проходит на раскинувшейся перед домом зеленой лужайке. Идеальная ночь для праздника – еще одно свидетельство ирландской везучести. Все смеются и болтают, набивают брюхо и даже немного танцуют, хотя пока еще выступает не Деми Ловато, а обычный диджей.

Пожалуй, мне стоило переодеться. Все девушки сплошь в блестках и на каблуках. Но это бы чертовски мешало ходить по мягкой траве, так что я рада, что одета в сандалии и шорты.

---

⁹ Примерно 4500 м².

Я вижу Нессу Гриффин в окружении людей, поздравляющих ее с грандиозным достижением – дожить до девятнадцати лет. Она одета в красивое летнее кремовое платье – просто и богемно. Ее светло-каштановые волосы свободно спадают на плечи, а легкий загар и несколько дополнительных веснушек на носу словно свидетельствуют о том, что девушка все утро провела на озере. Именинница раскраснелась от всеобщего внимания и выглядит милой и счастливой.

Честно говоря, Несса самая приятная из всей этой семьи. Мы ходили в одну школу, хоть и не особо дружили, – она была на год младше и строила из себя пай-девочку. Но при этом младшая Гриффин казалась довольно славной.

Что же касается ее сестрицы...

Прямо сейчас я смотрю, как она чихвостит какую-то официантку, доводя бедняжку до слез. На Рионе Гриффин одно из тех строгих облегающих платьев-футляров, которые скорее подошли бы для зала заседаний, чем для вечеринки на открытом воздухе. Ее волосы затянуты еще туже, чем платье. Я еще не видела никого, кому настолько бы не шли огненно-рыжие волосы, – будто генетика хотела сделать из нее хохотушку, а Риана такая: «Нет, спасибо, ни секунды своей жизни не собираюсь веселиться».

Она пристально разглядывает гостей, словно не хочет пропустить ни одной важной шишки. Я отворачиваюсь, чтобы вновь наполнить тарелку, прежде чем Риона меня заметит.

Мои братья разделились в ту же секунду, как мы вошли. Я вижу, как Неро флиртует на танцполе с какой-то миленькой блондинкой. Данте направился к бару, потому что он не из тех, кто пьет нежное шампанское. Себастиан совершенно растворился в толпе – а это не так-то просто, когда в тебе 6,6 футов¹⁰ роста. Кажется, я видела парочку его знакомых – все любят Себа, так что у брата друзья повсюду.

Что касается меня, то мне нужно в туалет.

Гриффины установили несколько уличных кабинок, расположив их в дальней части лужайки и прикрыв прозрачным навесом. Но я не собираюсь писать в биотуалете, пусть и расфуфыренном. Я собираюсь писать в комфортной уборной Гриффинов, на том самом унитазе, на который они садятся своими безупречно белыми задницами. К тому же у меня появится шанс немного порыскать по их дому.

Что ж, это потребует определенных усилий. Возле входа в дом охраны побольше, а налички на взятку у меня нет. Но стоит мне перекинуть через плечо тканевую салфетку и стащить поднос, оставленный рыдающей официанткой, как остается лишь поставить на него несколько пустых стаканов и прокрасться напрямиком на кухню.

Как добропорядочная официантка, я ставлю поднос с посудой у раковины, а затем направляюсь в дом.

Твою мать, вот это, на хрен, дом. В смысле, мы, конечно, смертельные враги и все такое, но я не могу не оценить,

---

¹⁰ Примерно 2 метра.

что особняк обставлен круче, чем что-либо, что я видела в «Охотниках за недвижимостью» и даже в «Охотниках за международной недвижимостью»¹¹.

Проще, чем я ожидала, – сплошной кремовый цвет, гладкие стены и натуральное дерево, современная заниженная мебель и светильники, тянущие на произведения промышленного искусства.

Впрочем, и настоящего искусства тут тоже немало – картины, которые выглядят как цветные квадраты, и скульптуры, сделанные из нагромождения фигур. Я не мещанка – знаю, что эта картина либо принадлежит Ротко¹² либо отсылает к нему. Но я также знаю, что никогда не смогла бы обставить так дом, даже будь у меня вечность и безлимитный бюджет.

Что ж, я рада, что заскочила сюда пописать.

Нахожу ближайшую уборную, и она, конечно же, эталон роскоши – дивное лавандовое мыло, мягкие пушистые полотенца, вода из-под крана идеальной температуры – не слишком прохладная и не слишком горячая. Как знать, этот дом такой большой, что, возможно, я первый человек, чья нога тут ступала. Наверняка у каждого Гриффина своя личная уборная. Скорее всего, напившись, они вообще теряются в

---

¹¹ «Охотники за недвижимостью» (англ. House Hunters) – американское ТВ-шоу, в котором люди с помощью риэлтора подбирают себе дома для покупки или аренды в новом месте.

¹² Марк Ротко – американский художник, работавший в жанре абстрактного экспрессионизма.

этом лабиринте.

Закончив свои дела, я думаю, что пора сваливать. Я немного покуражилась, и не стоит больше испытывать удачу.

Но я уже крадусь по широкой изогнутой лестнице на второй этаж.

Первый этаж был слишком формальным и стерильным, словно в выставочном доме. Я хочу посмотреть, где на самом деле живут эти люди.

Слева от лестницы я обнаруживаю комнату Нессы. Она нежная и женственная, наполненная книжками, мягкими зверюшками и принадлежностями для рисования. На прикроватной тумбочке лежит укулеле, а под кровать небрежно закинута несколько пар кроссовок. Балетные туфли, висящие на дверной ручке, – единственное, что выделяется среди этой чистоты и порядка. Они изрядно поношены, а сатиновый носок затерт до дыр.

Напротив комнаты Нессы, вероятно, покои Рионы. Они больше и безукоризненно чистые. Тут нельзя увидеть ни намека на хобби, лишь красивые китайские акварели развешаны по стенам. Я разочарована – Риона похожа на тех, кто хранил бы на полочке свои трофеи и медали.

За комнатами девушек – хозяйская спальня. Туда я не пойду точно. Это кажется неправильным на совершенно другом уровне. Есть черта, которую не перейду даже я, рыская по чужому дому.

Я разворачиваюсь в обратную сторону и оказываюсь в

огромной библиотеке.

Вот ради такой загадочной хрени я и пришла.

Что Гриффины читают? Сплошную классику в кожаных переплетах? А может, они тайные поклонники Энн Райс?¹³ Есть только один способ узнать...

Похоже, Гриффины предпочитают биографии, книги об архитектуре и – да – классику. Тут даже есть отдельные полки, посвященные известным ирландским писателям прошлого: Джеймс Джойс, Джонатан Свифт, Йейтс и Джордж Бернард Шоу. Никакой Энн Райс, но хотя бы есть Брэм Стокер¹⁴.

Смотрите-ка, у них даже есть подписанная копия «Дублинцев»¹⁵. Мне плевать, что там говорят, но никто, на хрен, не понимает эту книгу. В этом все ирландцы – притворяются, что это гребаный шедевр, хотя я уверена, что это полная галиматья.

Кроме высоченных – от пола до потолка – книжных шкафов, в библиотеке стоят мягкие кожаные кресла – три из них возле большого каменного камина. Несмотря на теплую погоду, в нем горит огонь – совсем небольшой. Это не газовый камин, там горят настоящие березовые поленья, испускающие приятный аромат. Над камином висит портрет красивой

---

¹³ Энн Райс – американская писательница, известная своим романом «Интервью с вампиром».

¹⁴ Брэм Стокер – автор романа «Дракула».

¹⁵ «Дублинцы» – роман ирландского писателя Дж. Джойса.

женщины, а под ним на каминной полке расположены различные предметы, в том числе каретные и песочные часы, а между ними – старые карманные часы.

Я беру их с полки. Часы на удивление тяжелые, металл не холодный, а теплый на ощупь – не могу сказать наверняка, латунь это или золото. Цепочка до сих пор на месте, но, похоже, оборвана примерно на середине. Резной корпус с надписью настолько потертый, что трудно определить, что на нем было изображено. И как его открыть, я тоже не знаю.

Я все еще вожусь с часами, когда слышу шум в коридоре – слабое позвякивание. Я быстро сую их в карман и ныряю за одно из кресел, ближайшее к камину.

В библиотеку входит мужчина. Высокий, темноволосый, на вид ему около тридцати. Его ухоженное тело облегает идеально сшитый костюм. Внешность приятная, но лицо довольно сурово – кажется, что красавчик без колебаний столкнет тебя в воду, если в спасательной шлюпке не хватит места. Или даже просто потому, что ты забудешь почистить зубы.

Я никогда не встречалась с ним раньше, но уверена, что это Кэллам Гриффин, старший ребенок четы Гриффинов. А это значит, что я вляпалась хуже некуда.

К несчастью для меня, похоже, он планирует задержаться в библиотеке. Кэллам садится в кресло практически напротив меня и начинает читать сообщения в своем телефоне. В руке мужчины бокал, из которого он попивает виски. Вот

что за звук я услышала – звяканье кубиков льда друг о друга.

За креслом очень тесно и неудобно. Ковер на деревянном полу не слишком-то мягкий, а я вынуждена съежиться в комочек, чтобы голова и ноги не торчали по бокам. К тому же огонь так близко, что здесь жарко как в аду.

И как мне, блин, отсюда выбраться?

Кэллам все еще пьет виски и читает. Пьет. Читает. Пьет. Читает. Кроме этого, тишину нарушает разве что потрескивание поленьев.

И долго он собирается тут сидеть?

Я не могу торчать здесь вечность. Мои братья хватятся меня в любую секунду.

Мне не нравится быть в западне. Я начинаю потеть от жары и стресса.

Лед в бокале Кэллама такой холодный и освежающий.

Боже, я хочу пить, и я хочу свалить.

Сколько у него там гребаных писем?

Нервная и раздраженная, я обдумываю свой план. Вероятно, самый идиотский из всех моих планов.

Я протягиваю руку за спину и хватаю кисточку, свисающую со шторы. Толстую золотую кисточку, свисающую с зеленой бархатной шторы.

Оттянув шнурок подальше, я смогу просунуть ее под решетку, прямо в тлеющие угли.

План в том, чтобы поджечь кисточку – это отвлечет Кэллама и позволит мне проскользнуть в противоположную от

кресла сторону по направлению к двери. Вот такая гениальная схема.

Но это ни хрена не история про Нэнси Дрю¹⁶, поэтому случается следующее.

Пламя охватывает кисточку так, будто она пропитана бензином, обжигая мне руку. Я отпускаю шнурок, и он отлетает обратно к шторе, которая вспыхивает словно бумажная. Огонь в одночасье с ревом взметается к потолку.

Впрочем, я достигла своей цели – отвлекла Кэллама Гриффина. Он издает крик и вскакивает с места, опрокидывая кресло. Однако полученный результат не оставляет времени на осторожность, потому что мне тоже приходится срочно покинуть свое укрытие и бежать. Не знаю, видел ли меня Кэллам, и мне плевать.

Может, стоит поискать огнетушитель или воду – хоть что-то. А может, мне надо, на хрен, убираться отсюда.

Вторая мысль побеждает, и я несусь вниз по ступенькам на предельной скорости.

У подножия лестницы я врезаюсь в кого-то, почти сбивая его с ног. Это Неро, а с ним та смазливая блондиночка. Ее волосы взъерошены, а на шее брата видны следы помады.

– Боже, – говорю я, – это что, новый рекорд? – Кажется, он встретил ее примерно восемь секунд назад.

Неро пожимает плечами, на его красивом лице расплзается усмешка.

---

¹⁶ *Нэнси-Дрю* – девушка-детектив, персонаж книг и фильмов.

– Возможно, – отвечает он.

Дым стелется вдоль перил. Кэллам Гриффин мечется по библиотеке. Неро в замешательстве смотрит на лестницу.

– Что происхо...

– Неважно, – отвечаю я, хватая его под руку. – Нам пора убираться.

Я начинаю тащить брата в сторону кухни, но сама же не следуя своему совету и бросаю взгляд через плечо. И вижу Кэллама Гриффина, стоящего на верхней площадке лестницы и смотрящего нам вслед с убийственным выражением на лице.

Мы проносимся через кухню, сбивая поднос с канапе, и вылетаем за дверь, обратно на лужайку.

– Найди Себастиана, а я за Данте, – говорит Неро. Он без слов оставляет блондинку, убегая через двор.

Я бегу в противоположную сторону, высматривая долговязый силуэт младшего из моих братьев.

Внутри поместья начинает вопить пожарная тревога.

Кэллам

До вечеринки Нессы менее получаса, но мы с родителями все еще сидим в кабинете моего отца. Это одна из самых больших комнат в нашем доме – больше, чем родительская спальня и библиотека. И это логично, ведь его бизнес – ключевой для нашей семьи, основа всего клана Гриффинов. Я искренне убежден, что мои родители завели детей, только чтобы раздать им роли в семейной империи.

Наследников явно должно было быть больше. У нас с Рионой разница в четыре года, а между Рионой и Нессой – шесть лет. В этих промежутках – несколько неудачных беременностей, завершившихся выкидышами или мертворождением.

Бремя всех этих нерожденных детей легло на мои плечи. Я – старший и единственный сын. Я один могу выполнять мужскую работу Гриффинов. Только мне нести наше имя и наследие.

Рионе бы не понравились эти речи. Ее бесит любой намек на то, что между нами есть разница, потому что я старше и потому что я мужчина. Сестра клянется, что никогда не выйдет замуж и не меняет фамилию. И не родит ребенка – последнее особенно раздражает моих родителей.

Несса гораздо более мягкая. Она настоящая душа и не сделает ничего, что бы огорчило дражайших родителей. К сожалению, младшая сестричка живет в гребаном мире грез.

Она настолько милая и нежная, что даже не представляет, на чем действительно держится величие нашей семьи. Так что Несса довольно бесполезна.

Конечно, это не значит, что мне на нее плевать. Сестренка – человек редкой доброты, поэтому не любить ее просто невозможно.

Мне радостно видеть Нессу веселой сегодня. Она всю предвкушает вечеринку, хоть та почти и не имеет к ней отношения. Бегает вокруг, пробуя все десерты и восхищаясь украшениями, и даже не догадывается, что единственная причина всего этого мероприятия – обеспечить поддержку моей предвыборной кампании по избранию в олдермены¹⁷ 43-го округа.

Выборы пройдут через месяц. В 43-й округ входит Линкольн-парк, Голд-Кост и Олд-Таун – вся прибрежная зона. Быть олдерменом здесь – почти так же значимо, как быть мэром.

Последние двенадцать лет это место сохранялось за Патриком Райаном, пока собственная глупость не привела его в тюрьму. До этого шестнадцать лет округу служила его мать, Сирша Райан. Она справлялась гораздо лучше и с работой, и с тем, чтобы не попасть за решетку.

Быть олдерменом во многом лучше, чем быть мэром. Это словно быть императором своего района. Благодаря привилегии олдермена за тобой сохраняется последнее слово в

---

¹⁷ *Олдермен* – член муниципального совета.

вопросах зонирования и развития недвижимости, займов и грантов, законодательства и инфраструктуры, что позволяет подзаработать на любом из этапов. Через тебя проходит все, и все перед тобой в долгу, а попасться практически невозможно.

И все же эти жадные ублюдки умудряются мошенничать настолько неприкрыто, что сами на себя насылают беды. Трое из последних четырех олдерменов соседнего 20-го округа отправились в тюрьму, включая нынешнего действующего главу.

Но мне это не грозит. Я собираюсь укрепиться в своей позиции. Я собираюсь взять под контроль самый богатый и влиятельный чикагский округ. А затем я собираюсь подчинить себе весь чертов город.

Потому что именно это Гриффины и делают. Мы растем и строим. Мы никогда не останавливаемся. И никогда не попадаемся.

Проблема лишь в том, что я не единственный желающий стать новым олдерменом. Конечно, нет, – это же драгоценная корона власти в этом городе.

Другие два кандидата – Келли Хопкинс и Бобби Ла-Спата. Хопкинс для меня не проблема – она антикоррупционный кандидат, баллотирующаяся на идиотских обещаниях очистить городские власти от скверны. Юная идеалистка даже не представляет, что, одетая в костюм из сырого мяса, плещется в бассейне с акулами. Я легко ее уничтожу.

Ла-Спата, однако, та еще задачка.

У него большая поддержка, включающая итальянцев и профсоюзы электриков и пожарных. На самом деле его никто не любит – Бобби не более чем буйный жирный ублюдок, чья репутация подмочена регулярной выпивкой и постоянными любовницами. Но у него большие связи, и он так давно в игре, что многие перед ним в долгу.

Парадоксально, но избавиться от него будет труднее, чем от Хопкинса. Келли полагается на свой безупречный имидж, и стоит мне накопать на нее немного грязи (или придумать таковую) – ей конец.

Недостатки Ла-Спаты, наоборот, слишком давно и хорошо всем известны. Он настолько погряз в страстях, что ничего хорошего от него не ждут. Чтобы избавиться от Бобби, придется придумать что-то другое.

Именно это я и обсуждаю с родителями.

Отец опирается на стол, скрестив руки на груди. Он высокий, стройный, седые волосы стильно подстрижены, а очки в роговой оправе придают ему деловой вид. В отце сложно узнать бывшего громилу из «Подковы», разбивавшего колённые чашечки тем, кто отказывался выплачивать долги.

Моя мать, стройная и миниатюрная блондинка с каре, стоит у окна, наблюдая, как официанты расставляют блюда. Я знаю, что ей не терпится подойти к ним как можно скорее, но она не сделает этого, пока обсуждение не закончится. Может, мать и выглядит как непревзойденная львица, но она

так же предана нашему семейному бизнесу, как и я.

– Не забудь пообщаться с Карданасом, – говорит отец. – Он контролирует профсоюз пожарных. Чтобы заручиться его поддержкой, нам, по сути, придется его подкупить. Но потактивнее – Карданасу нравится делать вид, что он выше этого. Марти Рико надо будет пообещать, что мы изменим зонирование на Уэлс-стрит, чтобы он мог построить свои многоэтажные жилые комплексы. Разумеется, отклоним требование доступного жилья. Лесли Доуэлл тоже будет, но я не уверен, что она...

– Она хочет увеличения чартерных школ¹⁸. Дайте ей желаемое, и Лесли позаботится о том, чтобы все женщины в совете по образованию поддержали вас.

Я знал, что мать все же слушает.

– Риона возьмет на себя Уильяма Каллахана, – продолжаю я. – Он давно к ней неровно дышит.

Мать поджимает губы. Она считает, что использовать сексуальность – ниже нашего достоинства. Но она ошибается. Если что-то работает, оно не может быть ниже нашего достоинства.

Обсудив людей, с которыми надо будет пообщаться на вечеринке, мы готовы прерваться и приступить к работе.

– Что-то еще? – спрашиваю я отца.

– Это не касается вечеринки, – говорит он, – но в ближай-

---

¹⁸ Чартерная школа – тип школы, финансируемой государством и управляемой школьным советом, некий «гибрид» между частной и публичной школой.

шее время нам надо обсудить «Братерство»¹⁹.

Мое лицо кривится.

Словно мне мало забот, теперь на меня ополчилась еще и польская мафия. Гребаные дикари, не имеющие ни малейшего понятия, как в наши дни ведутся дела, и до сих пор живущие в мире, где разногласия решаются отрубанием кистей рук. Повезет еще, если после этого тебя просто выкинут в реку.

То есть, если бы пришлось, я бы, конечно, тоже занимался подобным, но я хотя бы пытаюсь решить споры прежде, чем дело дойдет до крайних мер.

– Что насчет них?

– Тимон Заяц хочет с тобой встретиться.

Я колеблюсь. Это серьезно. Заяц – большая шишка. Мясник из Боготы. Но мне бы не хотелось видеть его в своем кабинете.

– Давай обсудим завтра, – отвечаю я. Подумаю над этим позже.

– Ладно, – говорит отец, выпрямляясь и одергивая полы пиджака.

Мать оглядывает его, чтобы убедиться, что все в порядке, затем переводит взгляд на меня.

– Ты будешь в этом? – спрашивает она, приподнимая идеально выщипанную бровь.

– А что не так?

---

¹⁹ Braterstwo – братство (польск.)

– Немного формально.

– Папа в костюме.

– Она хочет сказать, что ты одет как гробовщик, – вмешивается отец.

– Я молод. Я хочу выглядеть зрело.

– Но стиль никто не отменял, – отмечает он.

Я вздыхаю. Кому как не мне знать, насколько важна внешность. С недавних пор по совету ассистентки я предпочитаю легкую небритость. Однако переодеваться по три раза на дню, чтобы соответствовать случаю, очень утомляет.

– Я разберусь с этим, – обещаю я им.

Выйдя из кабинета, я замечаю в коридоре Риону, уже приодетую для вечеринки. Она прищуривается, глядя на меня.

– Что вы там делали? – с подозрением спрашивает сестра.

Она ненавидит, когда что-то происходит без нее.

– Обсуждали стратегию на сегодняшний вечер.

– Почему меня не пригласили?

– Потому что это я баллотируюсь в олдермены, а не ты.

Два ярких пятна проступают на ее щеках – еще с детства это означало, что Риона обиделась.

– Мне нужно, чтобы ты пообщалась с Каллаханом, – добавляю я, чтобы сгладить эффект и дать понять, что ее роль важна. – Он поддержит меня, если ты попросишь.

– Да, поддержит, – надменно бросает сестра. Риона прекрасно знает, что шеф полиции от нее без ума. – Он, кстати, довольно ничего. Жаль, с дыханием не повезло.

– Тогда не стой слишком близко.

Она кивает. Риона отличный солдат. Никогда меня не подводит.

– Где Несса? – спрашиваю я.

Риона пожимает плечами:

– Носится бог весть где. Надо бы повесить ей колокольчик на шею.

– Что ж, если увидишь – пришли ее ко мне.

Я до сих пор не поздравил сестренку с днем рождения и не вручил ей подарок – весь день был чертовски занят.

Я в три прыжка поднимаюсь по лестнице и спешу в свою комнату. Я не в восторге от того, что в свои тридцать до сих пор живу с родителями, но так гораздо удобнее работать сообщца. К тому же чтобы быть олдерменом округа, в нем надо проживать, а мне сейчас не до поиска недвижимости.

Во всяком случае, моя комната в противоположном от родительской спальни конце дома. Она большая и удобная – когда я вернулся из колледжа, мы снесли целую стену, чтобы предоставить мне собственную спальню с примыкающим к ней кабинетом. Это почти отдельная квартира, разделенная с остальными комнатами огромной библиотекой.

Я слышу, как прибывают первые гости, и переодеваюсь в свеженький дизайнерский костюм, прежде чем спуститься и присоединиться к шумной толпе.

Все идет гладко – как и всегда, когда за дело берется моя мать. Я вижу, как мелькает в толпе ее гладкое светлое каре,

и слышу ее легкий, вежливый смех, когда она обходит всех самых скучных и важных гостей.

Я иду по собственному списку из Карденаса, Рико и Доуэлл, приветствуя их по мере прибытия.

Примерно через час запускают фейерверки. Время салюта было рассчитано до минуты и совпало с закатом, чтобы яркая россыпь искр выделялась на фоне только что потемневшего неба. Вспышки отражаются в глади озера, создавая двойной эффект.

Большинство гостей оборачивается, чтобы посмотреть шоу, – на лицах мелькают отблески, рты открыты в изумлении.

Мне плевать на салют – я использую возможность внимательно рассмотреть присутствующих на случай, если кто-то из стоящих остался без внимания.

Вместо этого среди небольшой кучки друзей Нессы я замечаю того, кого сегодня точно не ждали. Темноволосый парень возвышается над ними как каланча – в нем, должно быть, не меньше 6,5 футов. Я уверен, что это чертов Галло. Самый младший из них.

Но в ту же секунду моим вниманием завладевает Лесли Доуэлл, решившая продолжить беседу, и когда я снова оглядываюсь на друзей Нессы, дылды с ними уже нет. Стоит сказать охране, чтобы были начеку.

Сначала, еда. За весь день мне едва удавалось перекусить. Хватаю со шведского стола пару креветок и оглядываюсь в

поисках достойной выпивки. Официанты снуют среди гостей, разнося шампанское, но мне не нужно это дерьмо. Очередь к бару слишком длинная, а вот что мне действительно необходимо, так это односолодовый ирландский виски десятилетней выдержки, который ждет меня в кабинете.

А, собственно, почему бы и нет. Я уже завершил свой круг почета, так что могу ненадолго укрыться. Вернусь к концерту этой попсовой певички. Уж не знаю, раскошелился отец, чтобы порадовать свое солнышко Нессу или чтобы выпендриться перед гостями. В любом случае, присутствующие оценят.

Успею вернуться заблаговременно.

Я возвращаюсь внутрь и поднимаюсь по лестнице, направляясь в свою часть дома. В кабинете у меня есть личный бар – ничего особенного, лишь пара бутылок первоклассной выпивки и небольшой ящик со льдом. Достая хороший тяжелый стакан, бросаю в него три огромных кубика льда и наливаю сверху солидную порцию виски. Вдыхаю пьянящий аромат груши, дерева и дыма. И делаю глоток, наслаждаясь жжением в горле.

Стоит вернуться на вечеринку, но здесь, в тишине и покое, я наслаждаюсь своей передышкой. Нужна определенная доля нарциссизма, чтобы быть политиком. Нужно жаждать лести и внимания.

Мне на это все насрать. Меня питают лишь собственные амбиции. Я хочу контроля. Денег. Влияния. Хочу быть

неприкосновенным.

Но сама политическая кампания порой меня утомляет.

Так что вместо того чтобы спуститься вниз, я иду дальше по коридору и сворачиваю в библиотеку.

Это одна из моих любимых комнат в доме. Мало кто кроме меня тут бывает. Здесь тихо. Расслабляющий запах бумаги, кожи и березовых поленьев. Ради меня мать поддерживает огонь в камине. Остальной дом кондиционируется более чем достаточно, так что от одного небольшого камина жарко не будет.

Над каминной полкой висит картина моей прапрапрабабушки Катрионы. Как и многие ирландские иммигранты, она бежала в Чикаго от Великого голода²⁰. Бабушке было всего пятнадцать лет, когда она пересекла океан в одиночку с тремя книгами в чемодане и двумя долларами в ботинке. Катриона работала горничной у богатого человека в Ирвинг-парке. Когда тот умер, то оставил ей дом и почти три тысячи долларов наличными и облигациями. Кто-то говорил, что у них была тайная связь. Другие утверждали, что бабушка отравила хозяина и подделала завещание. Как бы то ни было, она превратила дом в салон.

Она была первой Гриффин в Америке. Мои родители любят рассказывать, что мы происходим от одноименного ирландского знатного рода, но я предпочитаю правду. Мы во-

---

²⁰ Великий голод случился в Ирландии в 1845–1849 годах и был вызван массовым заражением картофельных посевов.

площаем собой «американскую мечту» – семья, прошедшая путь от слуг до верхушки чикагской власти. Во всяком случае, хотелось бы в это верить.

Минуту я наслаждаюсь тишиной, попивая виски, затем начинаю пролистывать почту. Не могу долго сидеть без дела.

Кажется, я что-то слышу и замираю на секунду – возможно, это кто-то из персонала прошел по коридору. Звук не повторяется, и я возвращаюсь к телефону.

Затем одновременно происходят две вещи.

Я чую запах, от которого волосы на загривке встают дыбом. Дым, но не из камина. Едкая вонь горелой синтетики.

В то же время я слышу звук, похожий на резкий вдох, только в десять раз громче. Затем я чувствую жар и вижу яркую вспышку пламени, охватывающего шторы.

Я вскакиваю с кресла и что-то кричу.

Мне нравится думать, что я знаю, как вести себя в экстренных ситуациях, но сейчас я растерян и в панике – пытаюсь понять, какого черта происходит и что мне с этим делать.

Наконец, разум возобладает.

Вероятно, штора загорелась от искры из камина. Мне нужно потушить пожар, пока огонь не охватил весь дом и не спалил его дотла.

В этом есть смысл.

Пока кто-то не вскакивает из-за кресла и пульей не проносится мимо меня в коридор, выбивая из колеи даже сильнее, чем пожар.

Меня поражает мысль, что все это время я был в библиотеке не один. Это настолько шокирует, что я даже не успеваю толком разглядеть нарушителя, отметив только средний рост и темные волосы.

Затем мое внимание вновь обращается к стремительно распространяющемуся пламени. Оно уже перекинулось на пол и потолок. За считанные минуты библиотека превратится в пылающий ад.

Я несусь по коридору к бельевому шкафу, где, насколько мне известно, хранится огнетушитель. Затем бросаюсь обратно в библиотеку, срываю пломбу и заливаю все пеной, пока не погаснет последний уголек.

Когда я заканчиваю, камин, кресла и портрет Катрионы залиты белой химической пеной. Моя мать будет вне себя от ярости.

Это напоминает мне, что кое-кто еще причастен к этому гребанному бедламу. Я бросаюсь обратно к началу лестницы как раз вовремя, чтобы увидеть, как трое людей убегают: блондинка, чертовски похожая на Нору Олбрайт. Брюнетка, которую я не знаю. И Неро, мать его, Галло.

Я знал. Я знал, что эти Галло пробрались сюда.

Вопрос только, зачем.

Противостояние между двумя семьями уходит корнями почти во времена Катрионы. Во времена Сухого закона наши прадеды бились за контроль над нелегальными винокурнями на севере. Победу одержал Конор Гриффин, и эти деньги до

сих пор обеспечивают нашу семью.

Но итальянцы так легко не сдаются. Сальватор Галло охотился за каждой новой партией выпивки, пытаясь угнать грузовики со спиртным и продать их Конору обратно по двойной цене.

Позже Гриффины взяли под контроль азартные игры в районе Гарден-Сити, в то время как Галло организовали нелегальные лотереи по городу. Когда производство и продажа алкоголя вновь стали законными, наши семьи управляли конкурирующими пабами, ночными клубами, стриптиз-барами и борделями. Продолжая при этом поставлять менее законные партии наркотиков, оружия и краденых товаров.

Теперь Галло ударились в строительство. Они неплохо справляются. Но, к сожалению, наш конфликт интересов извечен. Вот и сейчас они поддерживают Бобби Ла-Спата на мое место олдермена. Может, потому что симпатизируют ему. Может, просто чтобы снова вставить мне палки в колеса.

Галло пришли, чтобы попытаться переманить моих гостей?

Хотел бы я хорошенько потрясти кого-то из них, чтобы обо всем расспросить. Но к тому времени, как я обнаруживаю нанятых на сегодня охранников, итальянцев и след простыл – даже того дылды.

Черт бы их побрал!

Я направляюсь обратно в библиотеку, чтобы еще раз оце-

нить ущерб. Это просто, на хрен, месиво – задымленное, во-нючее, сырое месиво. Эти выродки уничтожили мою любимую часть дома.

А что они вообще здесь забыли?

Начинаю оглядываться, пытаюсь понять, что могло заинтересовать итальяшек.

В библиотеке нет ничего значимого – все важные бумаги и записи хранятся в кабинете отца или у меня. Наличка и украшения надежно заперты в сейфах, спрятанных по дому.

Итак, что же это?

И тут мой взгляд падает на каминную полку, залитую оседающей пеной. Я вижу каретные и песочные часы. Но карманные часы моего дедушки пропали.

Я ищу на полу и даже среди березовых поленьев на случай, если часы каким-то образом угодили за каминную решетку.

Ничего. Их нигде нет.

Эти сраные макаронники их украли.

Я громыхаю вниз по лестнице туда, где возобновляется прерванная пожарной сигнализацией вечеринка, и вижу Нессу, хихикающую с кем-то из подружек. Я мог бы спросить, приглашала ли она Себастиана Галло, но вряд ли сестра окажется настолько бестолковой. К тому же она выглядит такой счастливой, несмотря на случившееся, что мне не хочется ее отвлекать.

Впрочем, ее друзьям подобной благосклонности ждать от

меня не стоит. Заметив Сиенну Портер, я хватаю ее за руку и оттаскиваю от Нессы.

Сиенна – тощая и рыжая однокурсница Нессы, чей взгляд украдкой я ловил на себе пару раз. Но гораздо важнее то, что сегодня вечером я видел ее среди прочих девчонок в компании Себастиана.

Похоже, Сиенна не против моего «похищения» – она лишь краснеет как помидор и выдавливает:

– П-привет, Кэллам.

– Ты болтала сегодня с Себастианом Галло? – спрашиваю я.

– Э-э, да, он болтал со мной. В смысле, с нами. Не конкретно со мной.

– О чем?

– О Мартовском безумии²¹. Знаешь, его команда играет в первом раунде...

Я мотаю головой, прерывая ее рассказ.

– Ты знаешь, кто пригласил его?

– Н-нет, – запинается она, глядя на меня широко раскрытыми глазами. – Но, если хочешь, могу его спросить.

– Что ты имеешь в виду?

– Кажется, мы встречаемся позже в «Дэйв-энд-Бастерс»²².

– Во сколько? – спрашиваю я, сжимая ее руку чуть силь-

---

²¹ Мужской баскетбольный турнир первого дивизиона, проходящий в США каждую весну.

²² Dave and Buster's – сетевой ресторан с игровыми автоматами.

нее, чем следует.

– Э-э, кажется, в десять? – поморщившись, отвечает она.

Бинго.

Я отпускаю девчонку, и она растирает руку.

– Спасибо, Сиенна.

– Не за что, – отвечает та, совершенно сбитая с толку.

Я достаю телефон и звоню Джеку Дюпону. Мы дружим еще с колледжа, и порой при необходимости Джек исполняет роль моего телохранителя и наемника. Сегодня мы наняли целую службу охраны, так что его услуги не потребовались. Но те показали себя бесполезными кретинами. Так что теперь мне нужен Дюпон.

Он снимает трубку после первого гудка.

– Приезжай и забери меня, – говорю ему. – Немедленно.

Аида

Мы плюхаемся в машину Неро и рвем когти от дома Гриффинов так быстро, насколько это возможно, с учетом слоняющихся повсюду гостей. Мы с Неро вопим, Данте сердится, а Себастиан выглядит заинтригованным.

– Какого хрена вы натворили? – требует ответа Данте.

– Ничего! – отвечаю я.

– Тогда почему мы мчимся так, словно у нас на хвосте десяток копов?

– Вовсе нет, – говорю я. – Просто Кэллам Гриффин застукал меня в доме.

– И что сказал? – с подозрением спрашивает Данте.

– Ничего. Мы не говорили.

Данте переводит взгляд с меня на Неро, его насупленные брови сошлись в одну сплошную линию. Неро пытается сохранять спокойствие, не сводя глаз с дороги. Себастиан выглядит совершенно невинно – он, в общем-то, ни в чем и не виноват, – мы схватили его, когда Себ спокойно попивал себе диетическую колу в компании какой-то рыжули.

Думаю, Данте сейчас вспылит.

В этот момент он порывается вперед и хватает меня за волосы, притягивая их к себе. Так как волосы крепятся к моей голове, я тянусь вслед за ними.

Данте втягивает воздух и с отвращением откидывает меня

назад.

– Почему от тебя пахнет дымом? – резко спрашивает он.

– Не знаю.

– Ты врешь. Я слышал, как в доме заревела пожарная сигнализация. Немедленно говори правду, или я звоню папе.

Я хмуро смотрю на него в ответ, мечтая быть такой же огромной и иметь руки гориллы, способные разорвать человека на части. Тогда я была бы гораздо более устрашающей.

– Ладно, – отвечаю ему, наконец. – Я была в библиотеке наверху. Начался небольшой пожар...

– НЕБОЛЬШОЙ ПОЖАР?

– Да. Прекрати орать, иначе я не скажу больше ни слова.

– И как же начался пожар?

Я поерзала.

– Возможно, я... случайно... немного сунула шторы в камин.

– Porca miseria, Аида! – матерится Данте. – Мы заехали просто выпить и поглазеть на салют, а не сжигать к хренам их дом!

– Он и не сгорит, – огрызаюсь я, не вполне уверенная в своих словах. – Я же говорю, там был Кэллам.

– Это ничем не лучше! – взрывается Данте. – Теперь он знает, что это сделала ты!

– Может, и не знает. Может, он вообще понятия не имеет, кто я.

– Сильно сомневаюсь. Он не такой идиот, как некоторые.

– Включая меня? – уточняет Себастиан.

– Включая тебя, – отвечает Данте. – Даже если сегодня ты ничего и не натворил, ты все равно идиот.

Себастиан смеется. Его невозможно задеть.

– А ты где был? – оборачивается Данте к Неро.

– На первом этаже, – спокойно отвечает тот. – С Норой Олбрайт. Ее отец владеет отелем в Миллениум-парк. Как-то назвал меня мелким скользким бандитом. Так что я трахнул его дочь посреди столовой Гриффинов. Убил двух зайцев одним выстрелом с учетом мести.

Данте ошалело мотает головой.

– Поверить не могу. Вы ведете себя как дети малые. Не стоило вас туда отпускать.

– Блин, да заткнись уже, – говорит Неро. Он не из тех, кто будет терпеть дерьмовые заскоки Данте, даже если это грозит ссорой. – С каких это пор ты пай-мальчик? Ты ненавидишь этих гребаных лепреконов так же сильно, как и мы. Мне насрать, если мы угробили их вечеринку.

– Тебе будет не насрать, если Кэллам Гриффин займет место олдермена. Он проведет нас по всем кругам бюрократического ада и закроет наши проекты. Нам крышка.

– Да? – отвечает Неро, прищулив глаза. – Тогда нанесем Кэлламу визит, прихватив электрошокер и плоскогубцы. Немного над ним поработаем, пока не станет более сговорчивым. Я не боюсь ни Гриффинов, ни черта лысого.

Данте лишь качает головой, он слишком раздражен, что-

бы пытаться нас вразумить.

Меня раздирают противоречивые чувства. С одной стороны, Данте прав – мы действительно вели себя слегка безрассудно. С другой – выражение лица Кэллама Гриффина, когда библиотеку охватил пожар, было бесценно.

– Поверни здесь, – показывает Себастиан.

Неро сворачивает на Дивижн-стрит.

– И куда, по-твоему, ты направляешься? – спрашивает Данте.

– Несколько ребят хотели потусить тут после вечеринки.

Я сказал, что встречу с ними, – отвечает Себ.

– Хрена с два. Мы все возвращаемся домой.

Неро уже притормозил у обочины. Себастьян выпрыгивает из кабриолета, перекидывая свои длинные ноги через борт авто так же легко, как встает с кровати.

– Прости, братишка, – добродушно говорит он, – но у нас нет комендантского часа. И ты не моя мамочка.

Похоже, Неро был бы не прочь присоединиться, но он вынужден везти Данте домой. Я же, выбирая между перспективой предстать перед отцом, которому разъяренный старший брат непременно меня сдаст, и компанией Себастиана, предпочитаю второе и, перебравшись через сиденье, выпрыгиваю из машины.

– А ну вернись! – кричит Данте.

Я уже бегу за Себом и бросаю через плечо:

– Вернусь через пару часов. Не трать время в ожидании!

Себастиан замедляется, услышав меня позади. Даже когда он просто идет быстрым шагом, мне приходится бежать трусцой, чтобы не отстать. Эти его проклятушие ноги.

– Это правда была случайность? – спрашивает Себ.

– Более-менее, – пожимаю я плечами.

Брат хихикает.

– А я даже не добрался до дома. Там, небось, красиво.

– Ага. Если тебе нравится пастель.

Себастиан засовывает руки в карманы. Его темные вьющиеся волосы спадают на глаза. Себ самый кудрявый из нас. Наверное, он даже смог бы отрастить афро, если бы захотел.

– Несса кажется милой, – отмечает брат.

– Да, она симпатичная, – соглашаюсь я. – Но не раскатывай губу, а то у *rara* полопаются сосуды.

– Не буду, – отвечает Себастиан. – *Мата* всегда говорила: «Тихим водам не нужно еще больше воды – нужен ветер, чтоб расправить парус». Так что мне стоит подыскать себе такую маньячку, вроде тебя.

Я ухмыляюсь ему в ответ.

– Если я выйду замуж, то точно за того, кто не будет парить мне мозги. Можешь представить себе – выскользнуть из-под опеки Данте, чтобы снова оказаться в чьей-то власти? На хрен надо. Лучше уж быть незмужней. Кстати, я бы не возражала.

Мы почти подошли к «Дэйв-энд-Бастерс», но друзей Себа пока не видно.

– Чем займемся, пока всех ждем?

– Тут есть где-нибудь мороженое?

– Разве ты не ела на вечеринке?

– Ела, – пожимаю плечами я. – Но это было давно.

Себ смеется.

– Ну ладно, от мороженого я не откажусь.

Мы проходим немного дальше в сторону озера, пока не находим кафешку с мягким мороженым. Себастиан берет в стаканчике, я – в рожке. Мы выходим с мороженым из кафе и продолжаем прогулку вдоль пирса, глядя на воду.

Озеро такое большое, что напоминает океан. Оно волнуется совсем как море – тут даже случаются штормы. Впрочем, не сейчас. Сейчас вода спокойна как никогда. Мы доходим до конца пирса, самой высокой точки над озером.

Себастиан доедает мороженое и бросает стаканчик в ближайшую урну, я же еще облизываю свой рожок.

Мы болтаем о его занятиях и о моих. Мне нравится посещать университет Лойола – изучаю все понемногу. Психология, политология, финансы, маркетинг, история. Я люблю ходить на те пары, которые мне интересны прямо сейчас. Правда, пока не очень представляю, какую степень я смогу со всем этим получить.

Кажется, это начинает раздражать *rara* – он хочет, чтобы я выпустилась и полноценно присоединилась к семейному делу. Но он не доверит мне ничего интересного или сложного – для этого у *rara* уже есть Данте и Неро. Наверняка за-

прет меня в каком-нибудь скучном офисе выполнять бесполезную рутинную работу. Звучит как гребаный кошмар.

Я младшенькая, к тому же единственная девочка. На мой счет ни у кого не было завышенных ожиданий. Возможно, все было бы иначе, будь моя мать жива, но бóльшую часть жизни я была предоставлена сама себе. Если я не доставляла особых проблем, у отца находились более насущные вопросы для беспокойства.

Мы дружны с братьями, но у них своя жизнь.

На самом деле, я никому особо не нужна.

Впрочем, это ничего, я не жалуясь. Мне нравится быть свободной и легкой на подъем. Прямо сейчас я зависаю с Себом, мы едим мороженое и наслаждаемся летней ночью. Что еще надо?

Это чувство удовлетворения длится не более пяти секунд. Когда я поднимаю глаза, вижу, как навстречу нам идут двое мужчин. Один одет в костюм, другой – в джинсах и толстовке. У того, что понарядней, темные волосы и свежая стрижка, его ладони крепко сжаты в кулаки. Выражение ярости на лице кажется слишком знакомым – я уже видела его примерно сорок минут назад.

– Себ, – шепчу я, и брат резко выпрямляется.

– Это Кэллам Гриффин? – тихо спрашивает он.

– Ага.

– Посмотрите-ка, кто здесь, – произносит Кэллам. Его низкий холодный голос дрожит от ярости. Его глаза неверо-

ятного голубого цвета, который никак нельзя назвать красивым. Он слишком насыщенный – единственный цвет на его лице, на нем самом.

Не знаю, что за парень стоит рядом с Кэлламом, но он буквально источает зло. У него тело боксера, бритая голова и слегка приплюснутый нос, словно отхвативший парочку ударов. Готова спорить, эти кулаки выдавали гораздо больше.

Неосознанно Себастиан придвигается ко мне, слегка заклоняя собой.

– Чего тебе нужно? – спрашивает он Кэллама.

Себастиану далеко до устрашающей внешности Данте и жестокости Неро, но тем не менее он выше Кэллама и его головореза, а его голос суров, как никогда прежде.

Гриффин лишь презрительно усмехается. Его лицо красиво – во всяком случае, должно быть красивым. Но я никогда не видела такого холодного выражения лица. Кажется, что он ненавидит весь мир. И в особенности меня.

Впрочем, в этом его трудно упрекнуть.

– Что с вами не так, итальяшки? – насмешливо спрашивает Кэллам Гриффин. – Кто учил вас манерам? Вы приходите на праздник без приглашения. Едите мою еду, пьете мой алкоголь. Затем вламываетесь в мой дом. Пытаетесь его, на хрен, сжечь. Крадете у меня...

Я чувствую, как Себастиан слегка напрягается. Он не оглядывается на меня, но я знаю, что хочет.

Я тоже не понимаю, какого хрена Кэллам несет. Затем

вспоминаю про карманные часы, которые все еще лежат в переднем кармане моих шорт. Я совершенно про них забыла.

– Слушай, – говорит Себ. – Пожар произошел случайно. Нам не нужны неприятности.

– А вот это полная брехня, не так ли? – мягко отвечает Кэллам. – Вы искали неприятностей. И вы их нашли.

Не так-то просто вывести Себастиана из себя. Угрожать его младшей сестре – верный способ сделать это. Теперь он ощетинился, сжал кулаки в ответ и сделал шаг, целиком закрыв меня собой.

– Думаешь, раз захватил своего бойфренда, то ты теперь крутой парень? – говорит Себ, кивая в сторону молчаливого боксера. – У меня тоже есть братья. Лучше отвали, пока я не позвал их начистить твою белоснежную рожу.

Неплохо, бро. Для того, кто не привык запугивать, прозвучало довольно угрожающе.

Но, вообще-то, мне не нужна защита. Я подаюсь вперед, чтобы оказать рядом с Себастианом.

– Да, вали обратно в свое миленькое поместье. Хочешь поиграть в гангстера? Ты просто политическая шлюшка. Что ты сделаешь? Заштампуешь нас до смерти?

Кэллам Гриффин останавливает на мне свой ледяной взгляд. У него бледные глаза и густые темные брови. Это выглядит неестественно и неприятно.

– Ты права, – мягко отвечает он. – Мне нужно заботиться о своем имидже. Но вот что забавно... кажется, тут больше

никого нет.

Это правда. На пирсе пустынно. Чуть дальше, на Дивижн-стрит, в магазинах полно людей, но они слишком далеко, чтобы услышать, если я закричу.

Горло сжимает страх.

Меня не так-то просто напугать, но сейчас мне не по себе. Несмотря на свои слова, я не считаю Кэллама слабаком. Он высокий, мощно сложен. А главное, смотрит на меня сверху вниз без толики страха. Не размышляет, как поступить. Он уже все решил.

Гриффин кивает своему мордовороту. Боксер делает шаг вперед и принимает боевую стойку. Прежде, чем я успеваю вскрикнуть или пошевелиться, он наносит Себастиану четыре удара в лицо и два в живот.

Из носа брата льется кровь. Он охает и складывается пополам. Себ пытается дать отпор – все мои братья так или иначе учились драться. Но если Данте и Неро практиковались прямо на улицах, то интерес Себастиана всегда был скорее спортивным, он не склонен к жестокости. Тем не менее, благодаря превосходству в росте и позиции, ему удастся нанести пару ответных ударов. Один из них заставляет боксера покачнуться. Но другие удары громила успешно блокирует, а затем мерзкая тварь наносит моему брату удар по почкам, от которого тот съеживается и падает на землю.

Вся драка занимает от силы секунд десять. Я не стою на месте – пытаюсь ударить громилу со спины и даже один раз

успешно прописываю ему в ухо. Он отпихивает меня с такой силой, что почти сбивает с ног.

Тогда я переключаюсь на Кэллама. Мне удастся один раз ударить его прямо в челюсть, в ответ он сильно толкает меня в грудь, и на этот раз я действительно падаю назад, ударяясь затылком о перила пирса.

Кэллам выглядит немного испуганным, словно он такого не ожидал. Затем лицо мужчины ожесточается, и он говорит:

– Где мои часы, вы, гребаные дегенераты?

– Нет у нас твоих часов, – отвечает Себастиан, сплевывая кровь на деревянный настил пирса.

У меня есть часы. Но я не собираюсь отдавать их этому ублюдку.

Боксер хватается Себастиана за волосы и снова бьет его в челюсть. Удар такой сильный, что на секунду в глазах Себа меркнет свет. Он трясет головой, чтобы прояснить сознание, но выглядит оглушенным.

– Убери от него свои лапы! – кричу я, пытаюсь подняться на ноги. Голова кружится, а желудок ходит ходуном. Я ощущаю сильную пульсацию в задней части черепа. Наверняка там шишка размером с яйцо.

– Отдайте мне часы, – повторяет Кэллам.

В качестве стимуляции боксер пинает Себастиана под ребра. Тот стонет и хватается за живот. При виде этого монстра, избивающего моего добрейшего и самого младшего из братьев, у меня просто крыша едет от злости. Я хочу убить

этих ублюдков. Хочу облить их бензином и поджечь, как те гребаные шторы.

Но у меня нет бензина. Так что я тянусь к карману и достаю оттуда часы.

Моя ладонь ощущает их тяжесть. Пальцы крепко сжимают трофей. Я поднимаю часы над головой.

– Ты не это ищешь? – спрашиваю я Кэллама.

Он переводит взгляд на мой сжатый кулак, и на секунду его лицо смягчается от облегчения.

Затем я отвожу руку назад и швыряю эти чертовы часы в озеро, словно бросаю первую подачу на стадионе Ригли-филд²³.

Это оказывает на Кэллама Гриффина невероятный эффект. Его лицо становится мертвенно-бледным.

– НЕ-Е-Е-Е-Т! – вопит он.

А затем делает что-то безумное.

Он перепрыгивает через перила и ныряет в воду прямо в костюме.

Боксер в изумлении глядит вслед своему боссу. Он явно не знает, что делать дальше, оставшись без инструкций.

Затем он вновь переводит взгляд на Себа. Заносит над ним свою ногу в тяжелом ботинке и со всей силы обрушивается на колено моего брата.

Себастиан кричит.

Я бросаюсь на боксера. Воспользовавшись элементом

---

²³ Ригли-филд – бейсбольный стадион в Чикаго.

неожиданности, пригибаюсь и ныряю прямо ему под колени. И хоть я и уступаю в росте и в весе, мне действительно удастся сбить его с ног. Помогает и то, что, спускаясь, он спотыкается о вытянутые ноги Себастьяна.

Громила тяжело падает на пирс.

Я бью и колочу каждый дюйм его тела, до которого могу дотянуться. Здоровой ногой Себастиан делает шаг назад и бьет боксера прямо в лицо. Я вскакиваю и пинаю его еще несколько раз для пущей убедительности.

Но этот чел гребаный Терминатор. Это не задержит его надолго, так что я хватаю Себастиана за руку и тяну, отчего он снова кричит, случайно перенося вес на поврежденную ногу.

Я кладу руку брата себе на плечо. Тяжело опираясь на меня, он полускачет-полухромает вниз по пирсу. Это какая-то кошмарная гонка на трех ногах, главный приз в которой – не умереть от рук боксера или Кэллама Гриффина, как только тот осознает, что у него нет ни единого шанса отыскать часы в ледяных непроглядных водах озера.

В голове все еще стучит, а пирс кажется длиной в милю. Я продолжаю тащить Себастиана, проклиная его рост и тяжесть.

Когда мы добираемся до улицы, я решаюсь бросить взгляд назад. Боксер перевесился через перила, вероятно, в поисках босса. Кажется, будто он что-то кричит, но отсюда ничего не слышно.

Надеюсь, что Кэллам утонул.

Потому что, если нет, у меня предчувствие, что я скоро его увижу.

Кэллам

Понятия не имею, о чем я думал, ныряя за этими часами.

Стоило коснуться воды – все еще чертовски ледяной, едва прогретой первым летним солнцем, – как холод, словно пощечина, пробудил мое сознание.

Я настолько отчаян, что продолжаю погружаться, открыв глаза в поисках золотого проблеска в темных водах.

Конечно, там не видно ни зги. Вода под пирсом беспокойна, к тому же в ней полно песка и грязи. Даже в полдень туда вряд ли приникает солнце, а ночью с таким же успехом можно было нырнуть в нефть.

Намокший костюм сдавливает руки и ноги, а парадные туфли еще сильнее утягивают вниз. Будь я плохим пловцом, мне бы пришлось совсем несладко. Волны пытаются впечатать меня в сваи, утыканные мидиями и ракушками.

Мне приходится отплыть подальше от пирса, прежде чем начать грести к берегу. Все это занимает немало времени, заставляя Джека сходить с ума от беспокойства. Наконец, я выбираюсь на песок – грязный, промокший и злой, как никогда в жизни.

Эта гребаная СУКА!

Я мало что знаю о младшей Галло. Отец держит ее в стороне, и в семейном деле, насколько я знаю, девчонка не участвует.

В первую секунду, когда мы приблизились к итальянцам на пирсе, я почти почувствовал себя виноватым. Она выглядела юной, едва старше Нессы. И хоть это и не должно было повлиять на мою решимость, но я не мог не отметить, что девушка красива. У нее чуть смуглая кожа, темные волосы и узкие серые глаза, слегка приподнятые к внешним уголкам. Девушка напряглась при нашем приближении, заметив его даже раньше Себастиана.

Угрожая ему, я почувствовал что-то вроде угрызений совести, глядя на то, как парень выступает вперед, защищая свою сестру. Это то, что сделал бы и я на его месте.

Но рост и цвет волос девушки напомнили мне о человеке, вылетевшем из библиотеки, и я начал подозревать, что это младшая Галло устроила пожар.

Затем она выступила вперед и начала кричать на меня с темпераментом и словарным запасом заправского моряка, и я укрепился в мысли, что именно эта пигалица вломилась в наш дом.

Наконец, вместо того чтобы отдать мне часы, она швырнула их через перила, как гребаная психопатка. И тогда я понял, что за милым личиком таится демон. Это девушка – чистое зло, худшая во всей семейке. Что бы с ней ни случилось, она это заслужила.

Вопрос лишь в том, что я собираюсь с этим делать?

Прямо сейчас я хочу убить каждого гребаного Галло. Но не могу позволить себе устроить кровавую баню прямо на-

кануне выборов. Так что остается лишь второй проверенный способ – пустить ублюдков по миру.

Они хотели сжечь мой дом – я сожгу их небоскреб на Оук-стрит.

Это будет лишь заправка. В качестве основного блюда я уничтожу каждый ресторан и ночной клуб под контролем итальяшек.

Мысль о том, какое адское пламя я извергну на головы Галло, согревает меня, пока я шагаю по улице в своих промокших туфлях и мокром костюме.

Джек трусит рядом со мной, смущенный тем фактом, что пацан и его младшая сестра нас уделали. Он прекрасно понимает, что я жажду крови, поэтому не рискует открывать рот, чтобы не нарваться. Я замечаю, что у него самого разбит нос и рассечена бровь – довольно унижительно для того, кто пару лет назад выиграл турнир UFC²⁴.

Мои туфли отвратительно хлюпают. Мой сшитый на заказ костюм воняет, как дохлая морская звезда.

ЧЕРТ БЫ ЕЕ ПОБРАЛ!

Мне нужно переодеться, пока я буквально не сошел с ума.

Я направляюсь домой, где уже затихает вечеринка. Похоже, мы пропустили выступление певички – впрочем, я сожалею разве что о том, что не увидел выражения радости на лице Нессы. Еще один облом этого дерьмового вечера.

---

²⁴ Ultimate Fighting Championship (Абсолютный бойцовский чемпионат) – спортивная организация, проводящая бои по смешанным единоборствам.

Я не успеваю войти, как натываюсь на полный ярости взгляд отца.

– Где тебя черти носили? – рычит он. – Какого хрена ты не сказал мне, что на вечеринке были Галло?

Отец оглядывает мою одежду, с которой на безупречную плитку льется грязная вода.

– И почему ты мокрый? – равнодушно бросает он.

– Небольшая потасовка на пирсе. Не волнуйся, я все улажу, – цежу ему сквозь зубы.

– Это неприемлемо, – отвечает отец. – Поднимайся в мой кабинет, ты все мне расскажешь.

Мне не терпится вернуться и жестоко отомстить этим поганым италяшкам, но я иду с отцом, чтобы все ему рассказать. И он не в восторге от моего рассказа.

– О чем ты, на хрен, думал?! – кричит он, наклонившись так близко, что слюни летят мне прямо в лицо. – Начинать войну кланов посреди своей предвыборной кампании?!

– Это они ее начали! – кричу я в ответ. – Они пытались сжечь наш гребаный дом! Украли часы бабушки и швырнули их в озеро! Чего ты ожидал, что я испеку им чертов пирог?

– Умерь свой пыл, – шипит мне отец. – Тебя могут слышать.

Как будто это не он только что орал в два раза громче.

Я делаю глубокий вдох, пытаюсь усмирить гнев, рвущийся наружу.

– Я сказал тебе, – тихо, сдавленно отвечаю я. – Я. Все.

Улажу.

– Черта с два, – говорит отец, качая головой. – Ты уже доказал свою полную некомпетентность. Калечить младшего сына? Ты с ума сошел. Ты в курсе, что он звезда спорта? С таким же успехом ты мог бы его убить.

– В следующий раз – непременно, – яростно обещаю я.

– Ты закончил, – говорит отец, качая головой.

– Это не тебе решать.

Он с силой толкает меня в грудь.

Это лишь распалает мой адреналин. Я уважаю своего отца. Может, Гриффин-старший и выглядит как профессор, но он убивал людей голыми руками. Я видел это своими глазами.

Но он не единственный костолом в этой комнате. Я не тот покорный сын, которым был когда-то. Теперь мы равны.

– Пока я являюсь главой этой семьи, ты будешь мне подчиняться, – говорит отец.

Я много чего могу на это ответить. Но я проглатываю эти слова. С трудом.

– И что же ты предлагаешь... отец? – глухо спрашиваю я.

– Ситуация вышла из-под контроля, – отвечает он. – Я звоню Энзо Галло.

– Ты шутишь?!

– Закрой рот, – рявкает отец. – Ты уже достаточно наломал дров. Посмотрим, как я смогу исправить ущерб, прежде чем членов наших семей не начали находить на улице мерт-

ВЫМИ.

Поверить не могу. После того как они плюнули нам в лицо в нашем же доме, он хочет созвониться и начать переговоры. Это безумие. Это трусость.

Мое возмущение не скрыть от взгляда отца.

– Отдай мне свой телефон, – говорит он. Протянув руку, ждет, пока я не вручу аппарат. Тот был в кармане, когда я нырнул в озеро, так что от него все равно никакого толку.

– Я собираюсь связаться с Энзо Галло, – повторяет отец. – Ты оставайся здесь, пока я не пришлю за тобой. Ты не будешь ни с кем говорить. Не сделаешь и шагу за пределы этого дома. Понял меня?

– Я под домашним арестом? – фыркаю я. – Я взрослый мужчина, отец, что за чушь?

Он снимает очки, и его бледно-голубые глаза проникают мне прямо в душу.

– Ты мой старший и единственный сын, Кэллам, – говорит отец. – Но уверяю, если ослушаешься, я уничтожу тебя. Мне не нужен сын, которому я не могу доверять. Ты рухнешь, как Икар, если поставишь свои амбиции выше моих приказов. Ты понял это?

Каждой клеточкой своего существа я хочу ответить, чтобы он взял свои гребанные деньги, свои связи и свою так называемую гениальность и засунул их себе в задницу.

Но этот человек мой отец. Моя семья значит для меня все – без них я как корабль без руля и без паруса. Если я не

Гриффин, то я никто.

Так что мне приходится кивать, подчиняясь его приказам.

Внутри я продолжаю кипеть, жар и давление только нарастают.

Я не знаю, когда или как. Но если в ближайшее время между нами ничего не изменится, я взорвусь.

Аида

Мои братья экипируются внизу в подвале. По крайней мере, Неро и Данте. Себастиан все еще в больнице с отцом. Его колену однозначно хана. Ребра тоже сломаны. Мне невыносимо видеть страдания на его лице. Спортивному сезону конец. Возможно, как и всей его карьере. Боже, может, он даже не сможет после этого ходить.

И это моих рук дело.

Чувство вины оборачивается вокруг меня, словно саван, и с каждым взглядом на Себастиана, с каждым воспоминанием о моем идиотизме затягивает все туже. Скоро оно совсем меня задушит.

Я хотела остаться с Себом, но *rara* резко приказал мне возвращаться домой.

Там я обнаружила Данте и Неро, надевающих пуленепробиваемые жилеты и пояса с боеприпасами и обвешивающихся половиной всего оружия, что есть дома.

– Куда вы собираетесь? – нервно спрашиваю я.

– Убить Кэллама Гриффина, естественно, – отвечает Неро. – Может, и остальную его семью. Я еще не решил.

– Не трогайте Нессу, – быстро говорю я. – Она ни в чем не виновата.

Риона тоже, но к ней я такой жалости не испытываю.

– Может, тогда я просто сломаю ей колено, – небрежно

бросает Неро.

– Мы не собираемся вредить Нессе, – рычит Данте. – Это между нами и Кэлламом.

К тому времени, как братья готовы к выходу, они выглядят как помесь Рэмбо и Арнольда Шварценеггера из «Хищника».

– Позвольте пойти с вами, – умоляю я.

– Хрена с два, – говорит Неро.

– Да брось! – кричу я. – Я тоже часть семьи. Не забыл, что именно я помогла Себастиану сбежать?

– Именно ты втянула его в это изначально, – шипит на меня Неро. – Теперь мы собираемся со всем разобраться. А ты останешься здесь.

Проходя мимо, он толкает меня плечом, грубо впечатывая в стену.

Данте говорит мягче, но он не менее серьезен:

– Оставайся дома. Не надо все усложнять.

Мне насрать, что они там говорят. Как только братья уходят, я не собираюсь сидеть на месте. Я поднимаюсь за ними по ступенькам, не зная точно, что буду делать, но точно зная, что не буду ждать их, как нашкодивший щенок.

Но Данте не успевает пройти и полпролета, как в его кармане жужжит телефон.

Он снимает трубку со словами: «Что там?», – и по его интонации ясно, что на том конце *rara*.

Довольно долго Данте слушает, затем говорит: «Я понял».

Он кладет трубку. Смотрит на меня со странным выражением на лице.

– Ну, и что там? – спрашивает Неро.

– Снимай бронезилет, – говорит ему Данте. – Аида, иди переодеваться.

– Зачем? Во что?

– Во что-то чистое, что не выглядит как кусок дерьма, – резко отвечает он мне. – У тебя найдется нечто подобное?

Может быть. Или нет, учитывая вкус Данте.

– Ладно, – говорю я. – Но куда мы едем?

– Встретиться с Гриффинами. *Papa* сказал взять тебя с собой.

Что ж. Черт.

Я не была в восторге от нашей прошлой встречи с Кэлламом Гриффином.

И совершенно точно не ищу следующей. Сомневаюсь, что его настроение улучшилось после купания в озере.

И что мне надеть для подобного мероприятия?

В голову приходит только костюм Уэнсдэй Адамс, который я надевала в прошлый Хэллоуин.

Я останавливаюсь на серой водолазке и брюках-слаксах – хоть для них и жарковато, но это, пожалуй, единственная чистая и приличная одежда, что у меня есть.

Когда я натягиваю кофту через голову, шишка на затылке вновь начинает пульсировать, напоминая мне, как Кэллам Гриффин отшвырнул меня, словно тряпичную куклу. Под

этим его костюмчиком таится настоящая мощь. Посмотрела бы я, как он выстоит против Данте или Неро – один на один, без телохранителя.

Вот что нам следует сделать – сказать им, что хотим встречи, а затем напасть на ублюдков. Кэлламу ничего не помешало атаковать нас на пирсе. Стоит отплатить ему тем же.

Я распляжусь все больше, пока переодеваюсь, так что почти вибрирую от напряжения, когда сажусь на заднее сиденье «Кадиллак-Эскалейд» Данте.

– Где мы с ними встречаемся? – спрашиваю я.

– В «Якоре», – коротко бросает Данте. – На нейтральной территории.

Дорога до ресторана на Юджини-стрит занимает всего пару минут. Уже за полночь, так что свет в здании выключен, а кухня закрыта. Однако у входа нас ожидает Фергус Гриффин в компании двух громил. С его стороны было мудро не взять с собой тот кусок дерьма, что прилип к ноге моего брата.

А вот Кэллама что-то не видно. Похоже, папочка дал ему выходной.

Мы ждем во внедорожнике, пока не приедет *rara*. Затем выходим одновременно все вчетвером. Когда Данте соскальзывает с водительского сидения, по выпуклости под его курткой я понимаю, что оружие еще при нем. Хорошо. Уверена, что Неро тоже захватил пушку.

Пока мы идем к Фергусу Кэлламу, тот не сводит с меня глаз. Оглядывает с ног до головы, словно оценивает каждый

пункт моей внешности и моего поведения по какой-то своей внутренней шкале. И, кажется, не слишком впечатлен.

Отлично, ведь для меня он такой же холодный, высокомерный и псевдоблагородный, как и его сын. Я не отвожу взгляда, упрямо глядя на него в ответ без намека на сожаление.

– А вот и юная поджигательница, – говорит Фергус.

Я могла бы сказать, что все вышло случайно, но это не совсем правда. И я не собираюсь извиняться перед этими мерзавцами.

Вместо этого я говорю:

– Где Кэллам? Он утонул?

– К счастью для тебя, нет, – отвечает Фергус.

Rara, Данте и Неро обступают меня. Они, конечно, чертовски злы, что я втянула нас в эту передрагу, но не потерпят, чтобы кто-то мне угрожал.

– Не говори с ней, – грубо отвечает ему Данте.

Rara добавляет чуть более тактично:

– Ты хотел встретиться. Пойдем внутрь и поговорим.

Фергус кивает. Его бравые ребята заходят первыми, чтобы убедиться, что в ресторане действительно никого нет. Это место принадлежит Эллису Фостеру, ресторатору и брокеру, имеющему связи как с ирландцами, так и с нами. Поэтому это нейтральная территория.

Как только мы заходим, Гриффин говорит моему отцу:

– Думаю, нам лучше побеседовать наедине.

Тот медленно кивает.

– Ждите здесь, – говорит он братьям.

Papa и Фергус исчезают в одном из частных залов, закрываясь от нас двойными стеклянными дверьми. Я вижу их очертания, когда они садятся за стол переговоров, но не могу разобрать выражения лиц. И не слышу ни слова из того, что они говорят.

Данте и Неро вытаскивают пару стульев из-за ближайшего столика, люди Фергуса поодаль делают то же самое. В ожидании мы сидим втроем и пялимся на головорезов Гриффина напротив.

Это занимает нас минут на десять. Но созерцать их уродские рожи довольно скучно. Ждать вообще скучно. Я бы лучше выпила шот-другой в баре или даже пошарилась по кухне в поисках перекуса.

Но стоит мне приподняться, как Данте, не глядя в мою сторону, говорит:

– Даже не думай.

– Я хочу есть, – отвечаю ему.

Неро достал нож и играет с ним. Он умеет выполнять всевозможные трюки. Лезвие такое острое, что брат запросто мог бы лишиться пальца, если бы ошибся. Но он ни разу не ошибался.

Со стороны может показаться, что Неро хочет припугнуть громил напротив, но это не так. Он просто постоянно так делает.

– Понять не могу, почему ты всегда самая голодная из нас, – говорит Неро, не отрывая взгляд от ножа.

– Неправда!

– Сколько раз ты сегодня ела? Только, чур, не врать.

– Четыре, – слегка кривлю я душой.

– Брехня, – фыркает брат.

– Я не так беспокоюсь о своей фигуре, как ты, – подкалываю я его.

Неро – самовлюбленный павлин. И не без причины – все мои братья красивы, но среднему досталась та настоящая мужская красота, от которой девочки текут моментально. Я не знаю ни одной девушки, которая бы не переспала с ним или хотя бы не пыталась этого сделать.

Странно, конечно, знать такое о собственном брате, но мы довольно открыты друг с другом. Так бывает, когда долго живешь вместе в одном доме, а рядом нет матери, которая объяснила бы, чем сестры отличаются от братьев.

Впрочем, меня это устраивает. Я вовсе не имею ничего против женских штучек – меня не напрягают девушки, которые хотят быть красивыми, или женственными, или сексуальными – да какими угодно. Я просто не хочу, чтобы со мной «обращались как с девушкой», что бы это ни значило. Я хочу, чтобы со мной обращались как с Аидой, в любом случае. Ни больше и не меньше.

Аидой, которая сходит с ума от скуки.

Аидой, которую уже клонит в сон.

Аидой, которая начинает искренне сожалеть, что побеспокоила Гриффинов, раз теперь она будет заперта здесь до скончания веков, пока *rara* и Фергус говорят, и говорят, и говорят...

И вот, наконец, спустя почти три часа, оба мужчины выходят и выглядят они мрачными и смирившимися.

– И? – спрашивает Данте.

– Мы договорились, – отвечает *rara*.

Звучит, словно судья выносит свой приговор. Мне не нравится ни его интонация, ни выражение его лица. Отец с горечью смотрит на меня.

Когда мы направляемся к выходу, он говорит Неро:

– Возьми мою машину. Я поеду домой с Аидой.

Брат кивает и садится в отцовский «Мерседес». Данте забирается на водительское сиденье своего внедорожника, а *rara* устраивается сзади со мной.

Мне определенно это не нравится.

Я поворачиваюсь к нему, не утруждаясь пристегнуть себя ремнем.

– Ну что? Что вы решили?

– Через две недели ты выйдешь замуж за Кэллама Гриффина, – говорит *rara*.

Это так нелепо, что я смеюсь – странный лающий звук быстро смолкает в тишине машины.

Rara наблюдает за мной, и морщины на его лице кажутся глубже, чем когда-либо. В тусклом свете салона его глаза ка-

жуются совершенно черными.

– Ты шутишь?

– Я абсолютно серьезен. Это не обсуждается. Мы договорились.

– Я не собираюсь выходить замуж! Тем более за этого психопата.

Я смотрю в сторону водительского сидения в поисках поддержки от Данте. Он смотрит прямо на дорогу, крепко стиснув руль.

Отец кажется утомленным.

– Эта вражда продолжается слишком долго, – говорит он. – Это уголек, который продолжает тлеть, постоянно вспыхивая пламенем и сжигая дотла все, ради чего мы работали. Во время последнего такого возгорания ты потеряла двух своих дядей. Гриффины стали причиной того, что наша семья меньше, чем могла бы быть, – и наоборот. Слишком много людей погибало с обеих сторон из поколения в поколение. Пришло время это изменить. Пришло время обратить этот процесс. Мы встанем плечом к плечу и будем процветать вместе.

– Почему ради этого я должна выходить замуж? – кричу я. – Это ничего не изменит! Потому что я собираюсь убить этого ублюдка в ту же секунду, как увижу!

– Ты сделаешь, как я велю! – рявкает отец. Его терпение явно подходит к концу. Уже три часа ночи. Он устал и выглядит старым. Он действительно стар. *Рапа* было сорок во-

семь, когда я родилась – теперь же ему почти семьдесят.

– Я избаловал тебя, – говорит он, останавливая на мне взгляд своих черных глаз. – Позволял жить в свое удовольствие. Ты никогда не сталкивалась с последствиями своих деяний. Теперь время пришло. Ты зажгла спичку, от которой начался этот пожар, тебе его и тушить. Не жестокостью, а своей жертвой. Ты выйдешь замуж за Кэллама Гриффина. Ты выносишь детей, которые станут следующим поколением нашего объединенного рода. Таков уговор. И ты его исполнишь.

Это какой-то гребаный кошмар.

Чтобы я вышла замуж?

Чтобы я выносила каких-то чертовых детей?

От человека, которого ненавижу больше всех на планете?

– Он искалечил Себастиана! – кричу я, в последней отчаянной попытке донести, насколько мне отвратителен этот человек.

– Это не только на его совести, но и на твоей, – холодно замечает отец.

Мне нечего на это ответить.

Потому что глубоко внутри я знаю, что это правда.

Кэллам

Я сижу на задней террасе и наблюдаю, как нанятый персонал убирает остатки мусора и еды после вечеринки. Они работают всю ночь напролет. Мать настояла, чтобы все было прибрано немедленно, дабы на утро по пути на работу никто из соседей не увидел ни намека на беспорядок на нашей идеальной лужайке.

Сестры уже легли спать. Несса – раскрасневшаяся и счастливая от волнений вчерашнего вечера, Риона – надутая из-за моего отказа поведать ей, куда исчез наш отец.

Мать еще не ложилась – она контролирует уборку, хотя сама ни к чему не прикасается.

Когда бронированный автомобиль моего отца въезжает на подъездную аллею, мать оставляет персонал и присоединяется к нам в кабинете. Кажется, за последнее время я провел здесь слишком много часов. И мне не нравится выражение лица моего отца.

– Ну? – с порога спрашиваю я. – Что вы решили?

Я ожидаю услышать о какой-нибудь финансовой сделке или партнерской договоренности – возможно, Галло обеспечат нам поддержку среди итальянцев во время предвыборной кампании, а мы пообещаем им зонирование и любые разрешения, которые они пожелают для своего следующего строительного проекта.

Так что когда отец объясняет мне суть соглашения, я смотрю на него так, словно у него только что выросла вторая голова.

– Через две недели ты женишься на Аиде Галло, – говорит он.

– На этой маленькой паршивке? – взрываюсь я. – Черта с два!

– Мы договорились.

Моя мать делает шаг вперед и с озабоченным видом сжимает локоть отца.

– Фергус, – тихо говорит она. – Разумно ли это? Мы будем навечно повязаны с Галло.

– В этом и смысл, – отвечает мой отец.

– Они гребаные гангстеры! – яростно выкрикиваю я. – Мы не можем позволить себе ассоциироваться с ними. Особенно в свете грядущих выборов.

– Выборы станут первым плодом этого союза, – говорит отец, снимая очки и протирая их носовым платком из нагрудного кармана. – Никто не может гарантировать твой успех в схватке с Бобби Ла-Спата. В руках Галло ключи к голосам итальянцев. Если ты женишься на Аиде, то каждый из них проголосует за тебя, без колебаний забыв о Ла-Спате.

– Она не нужна мне для победы! – рычу я.

– Я бы так не сказал, – отвечает отец. – Ты слишком самоуверен. Даже заносчив. Случись выборы сегодня, их результаты невозможно было бы предсказать. Нельзя упускать

возможность заранее обеспечить себе победу.

– Хорошо, – говорю я, пытаюсь совладать с эмоциями. – Но что спустя месяц? Ты же не думаешь, что я женюсь на ней навсегда?

– Думаю, – серьезно отвечает отец. – Галло католики, и мы тоже. Ты женишься на ней, ты будешь верен ей и станешь отцом ее детей.

Поверить не могу – я качаю головой.

– Мама, тебе наверняка найдется что сказать.

Она переводит взгляд с меня на отца. Затем заправляет прядь гладких светлых волос за ухо и вздыхает.

– Если сделка заключена, мы будем ее соблюдать.

Я должен был догадаться. Мать всегда на его стороне.

Тем не менее я взрываюсь:

– Что?! Ты не можешь...

Она моментально перебивает меня:

– Кэллам, пришла пора тебе стать мужчиной, которым ты хочешь казаться. Я наблюдала за тем, как ты забавляешься со своими подружками, моделями и светскими львицами, словно намеренно выбирая самых поверхностных и пустоголовых из них.

Я сердито складываю руки на груди. Никого не волновали мои партнерши, пока они хорошо смотрелись рядом со мной и создавали правильное впечатление на вечеринках. Раз уж я никогда не искал серьезных отношений, казалось разумным выбирать девушек, которые просто хотели хорошо провести

время, как и я.

– Не знал, что должен был подбирать племенную кобылу, – говорю я с сарказмом. – Думал, вам хотелось, чтобы я нашел ту самую девушку и влюбился в нее, как нормальный человек.

– Ты думаешь, так было у нас? – тихо спрашивает мать.

Я замираю. На самом деле, понятия не имею, как познакомились мои родители. Никогда их об этом не спрашивал.

– Вот именно, – продолжает она. – У нас с Фергусом был «договорной брак», если хочешь. Правильнее было бы сказать, что наши родители, будучи старше и мудрее и зная нас лучше, чем мы сами, выбрали нам пару. Потому что они понимали, что мы станем отличными партнерами, и потому что этот союз был на пользу нашим семьям. Поначалу у нас были трудности...

Родители обмениваются многозначительными взглядами, в которых читается немного грусти и веселья.

– Но в конце концов наш союз сделал нас теми, кто мы есть сегодня, – завершает отец.

Охренеть можно. Никогда раньше этого не слышал.

– Это совершенно другое! – говорю я. – Вы происходили из одной культуры, у вас общие ценности. Галло – бандиты. Они – старая школа в худшем смысле этого слова.

– И в этом их ценность, – без обиняков говорит отец. – Мы размякли, пока наращивали свое богатство и влияние. Ты мой единственный сын. Твоя мать потеряла обоих бра-

тьев. С моей стороны в семье слишком мало мужчин. Когда дело доходит до силы, мы можем рассчитывать лишь на тех, кому платим. Нельзя полагаться на верность нанятых пушек – всегда найдется кто-то, кто будет готов заплатить больше. С тех пор как Заяц прибрал власть к рукам, «Братерство» стало для нас серьезной угрозой, и мы не обязаны противостоять ей в одиночку. У итальянцев та же проблема. Когда наши семьи объединятся, Мясник не посмеет на нас напасть.

– Отлично, – говорю я. – Но кто защитит меня от моей суженой? Эта девчонка настоящая дикарка. Вы можете представить ее в роли жены политика? Сомневаюсь, что она вообще умеет ходить на каблуках.

– Аида юна и податлива, – отвечает отец. – Ты будешь учить ее, сделаешь из нее того, кто сможет стоять на твоей стороне и поддерживать твою карьеру.

Юна и податлива?

Вряд ли мой отец хорошенько рассмотрел эту девчонку. Может она и юна, но податлива не более, чем чугунок.

– Какой вдохновляющий вызов, – цежу я сквозь зубы. – Не терпится начать.

– Хорошо, – отвечает отец. – Сможешь приступить через неделю на вечеринке в честь помолвки.

– Вечеринке в честь помолвки? – Это, блин, шутка что ли? Я узнал обо всем лишь пять минут назад, а они, похоже, уже запланировали публичное объявление.

– Вам с Аидой нужно согласовать свою историю, – встав-

ляет мать. – Например, что вы познакомились примерно полтора года назад, а прошлой осенью начали серьезно встречаться. Хотели повременить со свадьбой до окончания выборов, но поняли, что просто не можете больше ждать.

– Может, тебе просто написать для меня пресс-релиз, мама? Заодно и свадебные клятвы, раз уж у тебя хорошо получается.

– Не смей хамить, – рявкает отец.

– И помыслить не мог, – отвечаю я.

Сомневаюсь, что то же самое можно сказать о моей будущей невесте. Что ж, хоть что-то веселое может получиться из того хаоса, в который меня втянули, – я буду наблюдать за тем, как моим родителям приходится иметь дело с маленькой чертовкой, которую они приводят в нашу семью.

Аида

Мои братья в шоке от безумного плана отца.

Данте не сказал ни слова по пути домой, но я слышала, как он несколько часов спорил с *rara* за закрытой дверью кабинета.

Все было бесполезно. *Rara* упрям как осел. Сицилийский осел, который ест только чертополох и дает по зубам любому, кто подходит слишком близко. Если он принял решение, то даже трубный глас его не переубедит.

Честно говоря, лучше уж Апокалипсис, чем то, что должно случиться.

В первый же день после заключения сделки я получила сообщение от Имоджен Гриффин, в котором говорилось о какой-то вечеринке в честь помолвки в среду вечером. Вечеринка в честь помолвки! Словно это повод для праздника, а не приближающаяся катастрофа.

А еще она отправила мне коробку с кольцом.

Разумеется, я его ненавижу. Это огромный старинный бриллиант квадратной формы в ослепляющей оправе, настолько массивный, что задевает все подряд при любом удобном случае. Я держу его на прикроватном столике и не собираюсь надевать до тех пор, пока не наступит день, когда меня не останется выбора.

Единственная ложка меда во всей этой огромной бочке

дерьма – это то, что Себастиану стало немного лучше. Ему пришлось перенести операцию по восстановлению передней крестообразной связки колена, но мы наняли лучшего врача в городе – того самого, что вылечил колено Деррика Роуза²⁵. Так что надеемся, что он скоро снова встанет на ноги.

Тем временем я навещаю Себа каждый день и привожу все его любимые вкусняшки – шоколадные конфеты с арахисовой пастой, сыр-косичку и соленый кешью, – а также его учебники.

– Ты их хоть раз открывал? – поддразниваю я брата, складывая книги на прикроватный столик.

– Раз или два, – ухмыляется он мне с больничной койки.

Миленькая ночнушка, которую выдали Себастиану, выглядит нелепой и крошечной на его гигантском теле, едва прикрывая длиннющие ноги. Забинтованное колено покоится на подушке.

– Ты же не разгуливаешь в этом по коридорам? – спрашиваю я.

– Только если дежурят хорошенькие медсестры, – подмигивает брат.

– Фу.

– Лучше привыкай ко всем этим романтическим штучкам, – говорит Себ, – раз уж тебе скоро быть стыдливой неве-

---

²⁵ *Деррик Мартелл Роуз* – американский профессиональный баскетболист, выступающий за команду НБА «Нью-Йорк Никс». В 2012 г. получил травму левого колена, разрыв крестообразных связок. Пропустил сезон 2012/13, но вернулся в команду.

стой...

– Даже не вздумай шутить об этом, – рывкаю я.

Себастиан бросает на меня сочувствующий взгляд.

– Волнуешься? – спрашивает он.

– Нет! – быстро отвечаю я, хоть это и полнейшая ложь. –

Это им стоит волноваться. Особенно Кэлламу. Я собираюсь задушить его во сне при первой же возможности.

– Не делай глупостей, – предупреждает меня Себ. – Все серьезно, Аида. Это тебе не семестр в Испании и не стажировка в «Пепси». Ты не сможешь все бросить, просто потому что тебе не понравится.

– Я знаю, – отвечаю я. – Я прекрасно понимаю, насколько сильно влипла.

Себастиан хмурится – он не любит, когда я расстраиваюсь.

– Ты говорила с *rara*? Может, если скажешь ему...

– Это бесполезно, – перебиваю я. – Данте спорил с ним всю ночь. Отец не станет меня слушать.

Я смотрю на колено брата, которое кажется вдвое больше обычного под бинтами, и на синяки, расползающиеся по всему бедру.

– В любом случае, – говоря я тихо, – я сама навлекла это на себя. *Rara* прав – я заварила эту кашу, мне ее и расхлебывать.

– Не надо становиться мученицей только потому, что моему колену каюк. Твой брак с психопатом его не излечит.

– Может, он и не излечит твое колено, но сможет предотвратить последующие события.

Мы на минуту умолкаем, а затем я говорю:

– Мне действительно жаль, что...

– Не надо снова извиняться. Правда. Во-первых, это не твоя вина.

– Нет, моя.

– Нет, не твоя. Мы все решили отправиться на вечеринку. Ты не заставляла того тупицу топтаться по мне. И, во-вторых, даже если бы это была твоя вина, мне плевать. У меня два колена и лишь одна сестра.

Не могу удержаться от всхлипа:

– Это так мило, Себ.

– Это правда.

Я придвигаюсь ближе к койке, чтобы мы могли обняться. Кладу свой подбородок ему на макушку – волосы брата стали еще кудрявее и растрепаннее, чем обычно, – я словно прикасаюсь к овчине.

– Хватит грызть себя из-за этого. Со мной все будет в порядке. Твоя задача – разобраться, как поладить с Гриффинами. Ты только все усложнишь, если настроишься на войну.

Но это единственный способ, который я знаю – надеть броню и пригнуть голову. Я все воспринимаю как борьбу.

– Когда ты сможешь выйти? – спрашиваю я Себастиана. – Похоже, завтра вечером у меня вечеринка в честь помолвки...

– Хотел бы я там быть, – с сожалением говорит он. – Я бы посмотрел на то, как нашим семьям придется нарядиться и вести друг с другом светские беседы. Сфоткай это для меня.

– Я не уверена, что эта горстка кровожадных вампиров проявится на фото.

Себастиан лишь качает головой.

– Хочешь воды или чего-нибудь, пока я не ушла? – спрашиваю я.

– Не, – отвечает он. – Но если рыженькая медсестра где-то поблизости, скажи ей, что я бледный и мокрый, и меня не помешает обтереть.

– Ни за что. И, кстати, – фу!

– Попытка не пытка, – говорит Себ, откидываясь на подушку и складывая руки за головой.

* * *

Время дурацкой вечеринки наступает слишком быстро. Кажется, эти люди закатили бы торжественный прием даже в честь открытия конверта. Сплошная нелепость и показуха.

Впрочем, я понимаю, что должна вести себя соответствующе и держать лицо. Первое испытание моей покладистости.

Жаль, некому помочь мне с подготовкой. Расти с братьями было здорово, но порой, в ситуациях как эта, женской компании мне не хватает.

Мне бы не помешало сейчас услышать, что я не похожа

на растаявший щербет в том идиотском платье, которое купила. Оно желтое и украшено снизу фестонами. Наряд хорошо смотрелся на манекене, но теперь, примеряя его дома, я чувствую себя ребенком, раздевшимся к Пасхе. Не хватает только соломенной корзинки в руках.

По крайней мере, *rara* одобрительно кивает при виде меня.

– Хорошо, – говорит он.

Отец надел костюм. На Данте черная футболка и джинсы, а Неро предпочел кожаную куртку.

Мои братья отказались наряжаться из принципа. Молчаливый протест. Жаль, я не могу себе его позволить.

Мы вместе подъезжаем к ресторану «Литораль», который Гриффины сняли для празднования. Там уже полно гостей – многих из них я даже знаю, вопреки своим ожиданиям. Наши семьи вращаются в один кругах, а с Нессой и Рионой я ходила в одну школу, но в разные классы из-за разницы в возрасте.

На секунду я задумываюсь, не ходил ли туда и Кэллам, но быстро пресекаю эту мысль. Мне нет дела, куда ходил Кэллам. Мне нет дела до него вообще.

Наша предстоящая свадьба вообще не кажется мне реальной. Словно вся эта подготовка и есть наказание, все лишь делают вид, что это случится на самом деле. Очевидно, что в последнюю минуту кто-то из нас – или обе наши семьи – отменит помолвку, когда увидит, что мы усвоили урок.

Пока этого не случилось, мне остается лишь улыбаться и терпеть. Изображать командную работу, чтобы дать понять, что наказание пошло впрок.

Сил придает забавная мысль, что Кэлламу Гриффину придется притворяться, будто он без ума от меня – впрочем, как и мне.

Мне-то смешно, но могу себе представить, какой пыткой это будет для такого чванливого ублюдка, как он, привыкшего во всем следить за своим имиджем. Кэллам, небось, рассчитывал, что женится на какой-нибудь идеальной и жеманной наследнице Хилтонов или Рокфеллеров. А придется изображать страсть со мной, мечтая тем временем свернуть мне шею.

Кстати, отличная возможность его поизводить – Гриффин не сможет мне ничего сделать, пока все эти люди на нас смотрят. Стоит проверить, надолго ли его хватит.

Чтобы пережить весь этот спектакль, для начала мне стоит освежиться.

Я оставляю отца и братьев и направляюсь напрямиком к бару. «Литораль», конечно, немного снобский ресторан, но здесь царит веселая курортная атмосфера и подаются отличные летние коктейли. Особенно «Поцелуй Кентукки» – бурбон, лимон, пюре из свежей клубники, капелька кленового сиропа, лед и дурацкий маленький бумажный зонтик сверху.

Но когда я заказываю его, бармен лишь с сожалением качает головой.

– Простите, но «Поцелуя Кентукки» нет.

– А как насчет клубничного дайкири?

– Нет. Мы не можем сделать коктейли с клубникой.

– Ваших поставщиков ограбили по пути из Мексики?

– Не-а. – Он наполняет шейкер льдом и начинает делать

кому-то мартини, пока я изучаю коктейльную карту. – Только на этой вечеринке. Кажется, у чувака аллергия.

– У какого чувака?

– У того, который женится.

От любопытства я откладываю карту.

– Вот как?

– Да, его мать развела целую историю. Запретила всю клубнику. Можно подумать, кто-то тайком подложит ее ему в напиток.

Что ж, может и подложит...

– Как интересно, – говорю я. – Пожалуй, возьму тогда один из этих мартини.

Он наливает охлажденную водку в стакан и пододвигает его ко мне.

– Вот, держите этот. Сделаю еще один.

– Спасибо, – говорю я и приветственно поднимаю бокал.

Оставляю бармену пять долларов на чай и ухожу, забавляясь мыслью, что у робота-политика все-таки есть слабое место. Сияющий красный криптонит. Будет чем его подколоть.

Так я думаю, пока не натыкаюсь на Кэллама.

Он и вправду похож на вампира. Худощавый, бледный,

в темном костюме, с глазами неестественного голубого цвета. Взгляд одновременно пронизательный и презрительный. Нелегко ему, должно быть, казаться обаятельным во время работы. Интересно, Гриффин пытается подражать поведению нормальных людей? Если так, то ему это катастрофически не удастся. Все вокруг него болтают и смеются, а мой суженый сжимает свой напиток так, словно хочет его раздавить. У него большие руки и тонкие, длинные пальцы.

При виде меня Кэллам, наконец-то, выдает эмоцию – чистую, неподдельную ненависть. Она изливается из него прямо на меня.

Я смело и уверенно подхожу к своему жениху, чтобы дать понять, что ему меня не запугать.

– Следи за собой, любовь моя, – шепчу я ему. – Мы должны праздновать нашу помолвку. Ты выглядишь слишком несчастным.

– Аида Галло, – шипит он мне в ответ. – Рад, что тебе все же известно, как надо одеваться на вечеринки, хоть этот наряд и оставляет желать лучшего.

Я продолжаю улыбаться, чтобы этот мерзавец не понял, что задел меня. Я не отдавала себе отчет в том, насколько он выше меня, пока не встала рядом – и это несмотря на идиотские шпильки. Не стоило подходить так близко – впрочем, теперь я не собираюсь давать слабинку и отступить.

Кроме того, благодаря братьям я привыкла к устрашающим мужчинам. А у Кэллама Гриффина нет ни шрамов,

ни выпуклых костяшек, намекающих на то, чем занимаются мои братья. Его руки идеально гладкие. Кэллам всего лишь богатенький сынок, и мне не стоит забывать это.

Его глаза перемещаются на кольцо на моей левой руке. Сегодня вечером я впервые надела его и уже чувствую, как кольцо давит на меня. Я ненавижу то, что оно воплощает, ненавижу внимание, которое оно привлекает. При взгляде на украшение губы Кэллама бледнеют и почти сливаются с цветом лица. Кажется, моего жениха сейчас стошнит.

Что ж, хорошо. Я рада, что он тоже страдает.

Без предупреждения Кэллам хватается меня за талию и притягивает к себе. Все происходит так неожиданно, что я почти заносу руку, чтобы врезать ему, ожидая нападения. Но тут к нам подлетает визгливая блондинка, и я понимаю, к чему все это.

Она невысокого роста и одета в розовый сарафан, идеально сочетающийся с шелковым шарфом на шее. Блондинку сопровождает бородатый мужчина с гигантской сумочкой Hermès, которая, как я предполагаю, принадлежит не ему и не вполне сочетается с его рубашкой поло.

– Кэл! – кричит она и хватается того под руку, вставая на цыпочки, чтобы поцеловать в щеку.

Для «Литоралья» это в порядке вещей, но вот реакция Кэллама меня поражает.

Его холодное лицо преображается, с очаровательной улыбкой он произносит:

– А вот и они! Мои любимые молодожены! Какие-то советы для тех, кто пока по эту сторону замужества?

Просто невероятно, как легко надевает он маску политика на свое красивое лицо. Она кажется абсолютно естественной – разве что улыбка выглядит жесткой. Я и не представляла, как хорош в этом Гриффин.

Пожалуй, это имеет смысл. Но мне не по себе видеть, как легко он изображает радушие и очарование. Никогда не видела подобного.

Женщина смеется, легонько положив ладонь на руку Кэллама, и я могу рассмотреть обручальное кольцо – кажется, ее руку слегка кренит под весом этого камня. Боже, похоже, я обнаружила айсберг, потопивший «Титаник».

– Ох, Кэл! – говорит она с щебечущим смехом. – Прошел всего месяц, так что пока я узнала только, что не стоит регистрироваться на сайте Kneen & Co!²⁶ Если вы перехотели что-то покупать, то пытаться вернуть товар – это настоящий кошмар. Я заказала новую посуду Marie Daage, но пожалела об этом, как только увидела узор. Конечно, тебя это вряд ли заинтересует – наверное, оставишь все на усмотрение невесты.

С этими словами блондинка бросает взгляд на меня, и между ее бровей пытаются проявиться складки, доблестно сражающиеся с огромным количеством ботокса, старательно заглаживающим их обратно.

---

²⁶ Kneen & Co – магазин изысканной мебели и аксессуаров в Чикаго.

– Кажется, мы не встречались, – говорит она. – Я Кристина Хантли-Харт. Это мой муж, Джоффри Харт.

Женщина вяло протягивает мне руку, и я борюсь с желанием наклониться и поцеловать ее, словно какой-то граф из старого фильма. Вместо этого я неловко жамкаю протянутую ладонь и отпускаю ее как можно скорее.

– Аида, – отвечаю я.

– Аида...?

– Аида Галло, – вставляет Кэллам.

На лбу Кристины снова пытаются появиться полоски.

– Не уверена, что слышала про Галло... – говорит она. – Вы состоите в Норт-Шор Кантри-клуб?²⁷

– Нет! – отвечаю я, подражая ее интонациям. – Думаете, стоит вступить? Боюсь, в последнее время моя игра в теннис оставляла желать лучшего...

Блондинка смотрит на меня так, словно подозревает, что я потешаюсь над ней, но не может в это поверить.

Рука Кэллама сильнее обхватывает мою талию. Мне с трудом удается не поморщиться.

– Аида любит теннис, – говорит он. – Она очень спортивная.

Кристина неуверенно улыбается.

– Я тоже, – отвечает она. Затем возвращается к Кэлламу. – Помнишь, как мы вместе играли во Флоренции? Ты был моим любимым партнером в той поездке.

---

²⁷ North Shore Country Club – частный загородный клуб в пригороде Чикаго.

Прекрасно. Мне глубоко насрать на то, что Кристина Хантли-Харт хочет пофлиртовать с Кэлламом. Пусть бы у них даже был секс на той неделе. Но делать это на моих глазах – это гребаное неуважение.

Я смотрю на беднягу Джоффри Харта, чтобы узнать, что он думает обо всем этом. Тот до сих пор не произнес ни слова. Мужчина уставился в телек над барной стойкой, где показывают основные моменты прошедшего матча «Чикаго Кабс»²⁸. Он держит сумочку Кристины обеими руками с таким выражением лица, будто этот месяц брака воплотил собой самые длинные тридцать дней в его жизни.

– Эй, Джофф, – обращаюсь я к нему. – Они взяли тебя поиграть, или ты только носил ракетки?

Джеффри приподнимает бровь и издает смешок:

– В той поездке меня не было.

– Хмм, – говорю я. – Как жаль. Ты пропустил, как Кэл и Кристина обменивались мячами.

Теперь Кристина точно в бешенстве. Она прищуривается, глядя на меня, и ее ноздри раздуваются.

– Что ж, – сухо говорит она. – Еще раз поздравляю. Похоже, тебе крупно повезло, Кэл.

Она разворачивается и быстро уходит прочь, увлекая за собой Джоффри. Кэллам отпускает мою талию и хватает меня за руку, крепко впиваясь пальцами.

---

²⁸ Chicago Cubs – профессиональный бейсбольный клуб, выступающий в Центральном дивизионе Национальной лиги Главной лиги бейсбола.

– Какого хрена ты творишь? – рычит он.

– Это действительно твои друзья? – спрашиваю я. – Ей стоило завести одну из этих маленьких карманных собачек. Джофф довольно громоздкий аксессуар...

– Повзрослей, – говорит Кэллам, с отвращением качая головой. – Хантли организовали значительный сбор средств для моей кампании в том году. Я знаю Кристину с начальной школы.

– Знаешь ее? – повторяю я. – Или трахаешь? Если ты до сих пор этого не сделал, стоит поторопиться, пока она не начала прилюдно тереться о твою ногу.

– Боже мой, – говорит Кэллам, складывая пальцы на переносице. – Поверить не могу. Я женюсь на ребенке. И не на обычном ребенке, а на дьявольском отродье типа Чаки или детей кукурузы...

Я пытаюсь отдернуть руку, но хватка у него тверже стали. Чтобы освободиться, мне придется устроить настоящую сцену, а я пока не готова послать все к чертям.

Так что вместо этого я подзываю ближайшего официанта и беру с его подноса шампанское. Затем я делаю глоток и тихо и спокойно говорю Кэлламу:

– Если ты не отпустишь меня, я выплесну свой напиток тебе в лицо.

Он отпускает меня, от гнева его лицо становится еще бледнее.

Мой жених наклоняется к моему лицу и произносит:

– Думаешь, только ты можешь ставить мне палки в колеса? Не забывай, что ты будешь жить в моем доме. Я могу превратить твою жизнь в кошмар наяву – с утра и до тех пор, пока я не позволю тебе лечь спать. Не думаю, что ты захочешь начинать эту войну.

У меня руки чешутся плеснуть шампанским прямо ему в лицо, чтобы показать, что именно я об этом думаю.

Но мне удастся сдержать себя. С трудом.

Я ограничиваюсь тем, что улыбаюсь ему и говорю:

– Посреди хаоса есть еще и возможность.

Кэллам смотрит на меня с непониманием.

– Что... что ты несешь? Хочешь сказать, что попытаешься извлечь пользу из происходящего?

– Конечно, – отвечаю я. – А что еще мне остается?

На самом деле, это цитата из «Искусства войны». Вот еще одна моя любимая:

«Пусть ваши планы пребывают во тьме, непроницаемые, словно ночь, чтобы, когда вы начали действовать, они обрушились подобно молнии».

Кэллам

После этой первой своей выходки Аида успокаивается и начинает вести себя прилично. Во всяком случае, старается. Она изображает улыбку и общается достаточно вежливо с потоком гостей, желающих нас поздравить.

Охренеть как неловко объяснять друзьям и родным, что я собираюсь жениться на девушке, которую они не только раньше не встречали, но о которой даже не слышали. Снова и снова я говорю: «Мы все держали в секрете. Казалось романтичным, что об этом знали лишь мы двое. Но сил ждать больше нет, и мы хотим пожениться».

Я замечаю, что некоторые бросают взгляд на живот Аиды, чтобы удостовериться, нет ли определенной причины для спешки.

Впрочем, Аида сводит все слухи на нет, активно налегая на шампанское. Когда она тянется за очередным бокалом, я выхватываю напиток у нее из рук и выпиваю его сам.

– Тебе уже хватит, – говорю я.

– Сама решу, когда мне хватит, – упрямо отвечает она. – Чтобы меня напоить, потребуется нечто большее, чем несколько бокалов гламурного имбирного эля.

Но она уже гораздо менее уверенно держится на своих шпильках, не говоря уж о том, что она изначально не особо хорошо ходила на каблуках.

Я рад, что моя невеста сегодня в платье, хотя ее наряд смотрится дешево и крикливо. Что не так с этими итальяшками? У них что, нет денег на нормальную одежду? Ее братья выглядят как отпетые бандиты. Один в гребаной футболке и джинсах, другой вырядился как Джеймс Дин²⁹. Данте с такой осторожностью ходит по залу, как будто здесь вот-вот взорвется бомба, а Неро болтает с барменшей, словно собирается подняться с ней наверх. Может, этот мелкий говнюк так и поступит – я почти уверен, что он трахнул Нору Олбрайт в моем доме.

Что ж, хоть Энзо Галло одет соответствующе и ведет себя подобающе обстановке. Похоже, у нас с ним здесь много общих знакомых. Не нуворишей³⁰, а тех, кто родом из старого Чикаго. Я вижу, с каким уважением они пожимают ему руку. Возможно, отец все же был прав насчет преимуществ этого союза.

Мои родители подходят нас поведать, с ними идет и Мадлен Брек. Мадлен – темнокожая женщина под семьдесят с коротко стриженными седыми волосами, в простом костюме и удобной обуви. У нее спокойное и умное лицо. Будь вы

---

²⁹ *Джеймс Дин* – американский киноактер и икона стиля 1950-х гг., чья жизнь трагически оборвалась в возрасте 24 лет. В культуре того времени олицетворял собой юношеское разочарование и социальное отчуждение, что нашло выражение и в стиле его одежды – джинсы, белая футболка и куртка либо рубашка поверх.

³⁰ *Нувориши* – быстро разбогатевший, чаще – нечестным путем, человек родом из низших сословий.

наивны, то подумали бы, что она типичная дружелюбная бабуля. На самом деле Мадлен Брек – одна из самых влиятельных дам в Чикаго.

Являясь председателем Совета уполномоченных округа Кук штата Иллинойс, она контролирует финансовые потоки крупных проектов, финансируемых государством, – от парков до инфраструктуры, а также имеет непоколебимую власть над либеральными демократами Чикаго.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.